

ВЛАДИСЛАВ ЖЕРЕБЬЁВ

Я - ОБЫЧНЫЙ

Владислав Жеребьёв

Я – обычный

«Автор»

2013

Жеребьев В. Ю.

Я – обычный / В. Ю. Жеребьев — «Автор», 2013

Мир рухнул в одночасье. Неизвестный вирус превратил большую часть населения земного шара в алчущие живой плоти машины для убийства. Выжившие шаг за шагом терпят поражение в борьбе с неизвестным врагом. Армия бессильна, вирусологи разводят руками, правительство в панике. Простой бухгалтер, Константин Рогожин, заперт со своими товарищами в офисе на пятнадцатом этаже небоскреба. Объединившись, они предпринимают попытку выбраться из обреченного здания, заполненного чудовищами, которых выжившие окрестили «бешеными». Благодаря все еще работающей сети Интернет, Константин собирает крохи информации, находит оружие и готовит операцию по спасению своего небольшого отряда. Отсутствие навыков, паника, смерть товарищей, люди, которым нужна помощь, а впереди еще больше опасностей. Шансов ничтожно мало, но огромно желание выжить и остаться человеком.

© Жеребьев В. Ю., 2013

© Автор, 2013

Владислав Жеребьев

Я – обычный

Холодно было, черт возьми. Холодно до безобразия. Промозглая осенняя погода пыталась что было сил выдуть из города все нечистоты и миазмы северным, пронзительным ветром, но то ли старалась плохо, то ли само количество нечистот уже перевалило за критическую отметку, но смрад там внизу стоял нешуточный.

В нечастые минуты, когда по стеклам не молотил дождь и небо не закрывали иссиня-черные тучи, я выходил на крышу и подолгу смотрел на умирающий город, пытаюсь определить, кто же остался в живых. Редкие, оставшиеся на ходу машины еще проносились по захламленным улицам, там, где-то внизу, но с высоты пятнадцатого этажа они казались нереально маленькими, словно игрушечными, и скорее всего в них сидели мародеры. Стоя на крыше здания, облокотившись на шаткие железные перила, я до ломоты в глазах смотрел на горизонт, пытаюсь рассмотреть тот единственный спасительный шанс, который нам оставался. Нам? Я не сказал, что в офисе нас осталось двое? Конечно, нет, я иногда забывчив и рассеян. Сейчас я исправлю эту оплошность, но прежде попытаюсь объяснить, зачем два клерка закрылись на пятнадцатом этаже одного из центральных, блистательных и привилегированных бизнес-центров три недели назад и, почему они не стремятся наружу. Мы даже написали на крыше большими белыми буквами «Помогите, тут есть живые», но спасти нас никто не торопился, а может, и не было тех спасателей. Даже редкие игрушечные машины, иногда проезжающие – внизу, и то наконец покинули это кладбище. Мы с Марком смотрим на надпись, затем на горизонт и ждем, каждый чего-то своего. Я спасения, он – не знаю. Иногда я даже боюсь его.

Меня зовут Константин Рогожин, я бухгалтер. Самый вправдашний, умеющий считать и не умеющий драться. Я преуспеваю, за плечами высшее образование, бессонные ночи в родной конторе в ожидании всевозможных проверок, масса сертификатов и дипломов, красиво висящих за моей спиной в кабинете, и я жду повышения.

Сегодня я иду на работу, отличное утро отличного дня.

Зря вчера так засиделись. Голова непозволительно трещит и во рту отвратительный привкус. Мила, секретарь генерального, праздновала свой день рождения. Юбилей как-никак – двадцать пять. Завидую. В свои двадцать пять я пахал помощником за мизерную зарплату, без просветов и выходных, а эта вертихвостка даже сейчас получает больше моего. Может, девкой стоило родиться? Зависть, что она? Мило улыбаемся и машем.

Окончательный разброд в мысли принес громкий вой будильника, и пришлось наконец-таки открыть глаза. Еще пару минут я просто валялся в кровати, глядя в пожелтевший от времени потолок, и собирал волю в кулак для решающего броска до ванной и, наконец, собравшись с духом, сел на кровати. Замутило, отчаянно замутило. К горлу подступил отвратительный липкий комок, старающийся что было силы выбраться наружу. Ну зачем я столько пил? Сам же знаю, что на следующий день буду лежать пластом, а все равно тянулся за всеми. Вроде бы даже тосты орал. Стоп, какие тосты? Чего бы лишнего не сболтнуть. Мила хоть и дура, но обидчивая. Все недалекие чрезвычайно легко обижаются, а, будучи секретарем генерального, она может натворить тех еще бед. Не зря же с ней все так отчаянно дружат? Нет, вроде ничего, все нормально. Поборов наконец тошноту, я нащупал босыми ногами тапки и, обувшись, поплелся в ванную, шоркая подошвами по давно уже не метенному паркету. Присев на край ванны, я включил холодную воду и, набрав в сложенные ладони обжигающе-ледяную влагу, плеснул себе в лицо. Затем еще один раз, потом еще, снова, пока наконец взгляд смотрящего на меня тридцатилетнего мужчины не стал осмысленным. Отлично, зеркало, спа-

сибо тебе, ты лучший индикатор вменяемости своего хозяина на данный момент. Впрочем, нет, простым умыванием в данном случае не ограничишься. Душ, отличный и бодрящий душ. Скинув остатки одежды, я влез в душевую кабинку и, повернув выключатель, чуть не взвыл. Холодно, очень холодно, до ожога, зато ясность в голове и легкость во всем теле. Выключив воду, я спешно выбрался из душа и, критически осмотрев свою физиономию, принялся чистить зубы. С бритьем решено было подождать до следующего удобного случая, к тому же легкая двухдневная щетина мне шла, ну или я так думал, так что предпочтение было отдано щетке и зубной пасте.

Закончив с водными процедурами и немного ожив, я отправился на кухню, как был, голяком, не потрудившись прикрыться, чему нимало не расстроился. Жил я один, так что смущать по утрам мне было некого, да и с личной жизнью все как-то не складывалось. Большую часть своего свободного времени я проводил в офисе, посвящая его неурочной работе или очередному корпоративному тренингу, которыми так богат быт офисного планктона.

Добравшись до кухни, я щелкнул кнопкой кофеварки, закинул в тостер пару ломтей хлеба, достал из холодильника масленку и выставил ее на стол. Что еще, ах да, телевизор.

Усевшись на табурет, я щелкнул пультом, ожидая увидеть новости. Что еще могут крутить в столь ранний час, только их. Мой верный пучеглазый друг отозвался шипением эфира и белесым снегом по экрану. Попытки переключиться на любой другой работающий телеканал ни к чему не привели, и я, оставив это занятие, принялся намазывать на поджаристые тосты масло. Громко звякнула кофеварка, сообщая о готовом продукте, так что и кофе можно было наливать, чем я тут же и занялся. Кофе и тосты утром, а еще лучше кофе, тосты и сигареты. Сигарет нет, все скурил вчера в баре, а купить пачку на утро не удосужился. Вот почему мне так неудобно! Безумно хочется курить. Ничего, тормозну где-нибудь по дороге и возьму сигарет, а заодно и минералки. Можно ларек, лучше заправка. Там и быстрее и чище.

Быстро покончив с завтраком и окончательно приведя себя в тонус, в чем крепкий кофе и немного пищи, упавшей в желудок, сыграли решающую роль. Быстро нацепив свежую сорочку, галстук и костюм, я вышел из дома. Отличная погода, хоть пока еще и темно, да и к лучшему. Люблю выходить пораньше, часов эдак в шесть. Город только просыпается и еще не наполнен гулом машин, криками, суетой и выхлопными газами, а прелестная прохлада в этот час настраивает на великие свершения. Итак, в машину и в офис. Буду сегодня первым. Пусть остальные утрутся. Да, я первый, я всегда первый. Я первый во всем и скоро меня ждет повышение.

Вы только не подумайте, что я тщеславен. Скорее уж наоборот – скромн, трудолюбив, усидчив. По жизни у меня не было ни поддержки, ни страховки, ни мохнатой лапы, так что все мои достижения можно приписать мне и только мне. Накручивание себя на лидерство – это сложившийся ритуал, что-то вроде самогипноза. Если ты сам уверен, что первый и всего добьешься, то так тому и быть. Мысль материальна.

Прокрутив в голове свой ежедневный ритуал лидера, я спустился на лифте вниз и направился к своему автомобилю. Тут меня ждал первый сюрприз. По всему гладкому блестящему черному боку «Фольксвагена» шла против-естественная, глубокая неровная царапина. Чертыхнувшись, я быстро обошел автомобиль, по пути соображая, сколько времени отнимет вызов страховщика, и, решив, что опоздание того не стоит, махнул на повреждение рукой. Настроение, вроде бы начавшее подниматься после первой кружки кофе, стремительно рухнуло вниз, раскатившись мелкими осколками по асфальту. Путь до офиса, располагающегося в деловой части города, занял минут двадцать, от силы двадцать пять, что не удивительно в столь ранний час, и уже через полчаса я поднимался с подземной парковки на пятнадцатый этаж небоскреба, где располагался офис компании с загадочным названием «Пандея». Никого из сотрудников особо не интересовало происхождение названия, а большинство не знало, чем она в действи-

тельности занимается, но вертолетная площадка и огромные панорамные окна по всему вестибюлю были призваны кричать об успехе бизнеса и гениальности рулевых.

– Привет, – пройдя мимо охранника на ресепшн, я приветливо махнул ему рукой, тот махнул мне в ответ, и на этом общение закончилось. Путь мой пролегал вдоль длинного коридора, устланного ковровой дорожкой, вплоть до двери с табличкой, на которой было выгравировано, именно выгравировано мое имя. Без всяких пошлых печатных бумажек или пластика, именно стальная табличка, привинченная двумя саморезами к толстой дубовой двери. Помимо моего имени на куске стали красовалась надпись «Старший финансовый консультант», еще одна галочка моему эго. Толкнув дверь, я вошел в небольшой, но грамотно обставленный лично мной кабинет и, бросив портфель на пол около шкафа с документами, включил ноутбук и полностью погрузился в финансовую отчетность.

Первым, через три часа после начала работы, потревожил меня Алексей, наш юрисконсульт и по совместительству мой партнер в покер по выходным.

– Костик, привет, как голова? – рябой и вихрастый Леха не походил на юриста, скорее уж на скомороха или, в крайнем случае, актера комического амплуа, но тем не менее трудился на этой ниве уже больше пяти лет и, как я понимаю, преуспевал.

– Нормально, – я поднял глаза от экрана ноутбука и потянулся за кружкой с остывшим кофе. – Отчетности навалили, вот и сижу как дурак, а ты как?

– Лучше не бывает, – подмигнул он мне заговорщицки. – Ты, кстати, одним из первых ушел. Мы потом всем скопом ломанулись в клуб, Милка, опять же, спонсировала, и так зажгли, что до сих пор коленки трясутся.

– Ну-ну, – кивнул я скептически. – А если честно?

– Паршиво. – Рухнув на стул, юрист прикрыл глаза и картинно застонал. – Голова что колокол, малейший громкий звук – и мне кранты, ты ведь похоронишь меня по-человечески? – Последние слова было произнесены нарочито протяжно и жалостливо, и вызвали у меня улыбку.

– Обязательно, господин юрист, – кивнул я, – но спасение утопающих дело рук самих утопающих. Скушал бы супчика горячего в кафе, сразу бы полегчало.

– Так пошли, вместе пообедаем, – тут же предложил Алексей.

– Пообедаем? – Я скосил глаза в нижний правый угол ноутбука и ахнул. Аналоговые системные часы показывали половину третьего.

Захлопнув крышку портативного компьютера, я накинул на плечи пиджак и устремился прочь из кабинета.

– Пусто что-то, – догнал меня по пути юрист, – в офисе человек пять от силы.

– Это кто такие стойкие? – улыбнулся я.

– Галя из кадров, – начал загибать пальцы на руке Леха, – Петр Семенович из логистики, мы с тобой, да охранник.

– Дела, – хмыкнул я. Общее количество сотрудников офиса переваливало за пятьдесят и в разгар рабочего дня помещение конторы больше походило на растревоженный улей. К завсегдатаям офисных пастбищ обычно примешивались визитеры, клиенты, рекламодатели и солидная порция вездесущих курьеров, сновавших туда и сюда с огромными цветастыми пакетами рекламных проспектов, корреспонденции и бизнес-подарков. Сейчас же в офисе царила тишина. – Вроде же не все вчера гуляли?

– Не все, – часто закивал юрисконсульт. – Петра Семеновича так вообще вчера не было. Он человек солидный, различные мероприятия подобного толка привык скорее игнорировать, а не посещать. Галя была, это я точно по-мню, ну а охранник не в счет.

– Генерального тоже нет? – задал я наводящий вопрос.

– Ни генерального, ни замов, ни секретаря. Такое впечатление, что все решили не являться сегодня в офис. Может, мы пропустили что, и сегодня выходной?

– Не, – замахал я руками. – Выходной я бы не пропустил, да и ты, разгильдяй, тоже.
За разговорами мы миновали длинный коридор и, выйдя к ресепшену, направились к дверям лифта.

– Господа, – послышалось сзади, – господа, лифт не работает.

Застыв на половине шага, я обернулся и непонимающе посмотрел на сидящего за стойкой охранника.

– То есть как не работает? – поперхнулся Леха. – И давно?

– Часа три уже, – признался пожилой седой мужчина в серой однотонной форме с нашивками.

– Вы сообщили администрации? – поинтересовался я.

– Сообщил, – кивнул мой собеседник.

– Ну и что? Что они сказали? Когда исправят? – выдал я тираду наводящих вопросов.

– По рации сообщил на центральный пост, – кивнул охранник. – Авария у них там какая-то вроде. Обещали к обеду разобраться.

– К обеду, – хмыкнул юрист и скептически оглядел мертвое табло лифта. – Обед-то вот он, идет уже.

– Я сейчас еще раз свяжусь, – кивнув, охранник полез в ящик стола за рацией.

– Хорошо бы.

Отойдя в угол, мы с Лехой пристроились на подоконнике и принялись ждать результата переговоров. – Тащиться по лестнице вниз, все пятнадцать этажей, удовольствие из сомнительных, а уж подниматься потом с полным желудком так вообще верх издевательства над свободной личностью.

– Ну что там? – не выдержал юрист.

– Ничего не понимаю, – отложив рацию, охранник принялся названивать по телефону. – На связь никто не выходит. Ни дежурный, ни охранники по этажам, ни администрация. Одни помехи в эфире.

– Приплыли, – сморщился юрист, – и что же вы нам прикажете делать? С голоду помирать?

– Отцепись от человека. – Я легонько толкнул в бок своего приятеля, который уже начал было распалаться. – Он-то в чем виноват? В конце концов, всему виной лифт, а если копнуть более глубоко, то управляющая компания, занимающаяся обслуживанием здания. В небоскребе четыре пассажирских и два грузовых лифта, должен же быть хоть один дежурный лифтер?

– Костик, ты гений! – Радостно хлопнул меня по плечу юрист. – Благодаря тебе мы не только с голоду не помрем, но еще и на свободе окажемся. Уважаемый, – это уже охраннику, – не соблаговолите ли открыть черный ход?

– Точно! – наконец понял я. Черная лестница, а по совместительству пожарная, служила для возможных чрезвычайных ситуаций.

– Если открыть черный ход и спуститься на лестничный пролет вниз, – начал объяснять свою идею охраннику юрист, – то мы окажемся у дублирующего лифта в этом крыле здания. Он-то уж наверняка должен прекрасно работать.

– Хорошо, – легко согласился охранник, снимая с гвоздика ключ с черной биркой, – только под вашу ответственность.

– Что не сделаешь для насыщения утробы? – притворно вздохнул Леха и, выхватив из рук вождьденный ключик, ухватив меня за рукав, потащил назад по коридору.

– Эка ты оживился, – хмыкнул я, отнимая свой рукав у юриста. – Да не тащи ты так, что я, маленький?

– Быстрее, – вещал Леха, бодро шагая впереди, – все вкусное съедят. Будем тупить и опять придем к суточному супу и фирменному блюду, а они, признаться честно, уже в печен-

ках. Котлету хочу, большую сочную котлету, и гречки побольше, а еще сока. Да, сока, апельсинового, с мякотью.

Прокручивая в голове все вышеописанные блюда, я только сейчас понял, что действительно проголодался. Во рту образовалась слюна, а предатель желудок громогласно забурчал, подавая неслабые признаки жизни.

– Гляжу, и ты меня поддерживаешь? – Расхохотался Леха.

– Вот что за человек? – покачал я головой. – Только что ведь помирал на стуле, а теперь носится по пустому офису и ржет что лошадь.

– Не лошадь, а конь, – добравшись до запертой двери с надписью «Выход» на зеленом табло, юрист вставил полученный от охранника ключ в замочную скважину. Отлаженный запорный механизм щелкнул где-то глубоко внутри и пропустил нас на лестницу.

– Накурено, – признался я, потянув ноздрями воздух.

– Тут четырнадцатый этаж себе курилку организовал, – пояснил юрист, вприпрыжку спускаясь по широким ступенькам. – Шеф у них не такой ярый поборник здорового образа жизни, так что по поводу табачного дыма они не парятся.

Преодолев первый лестничный марш, мы оказались на площадке четырнадцатого этажа, перед высокими застекленными дверями.

– Вот оно, – Леха с воодушевлением подергал ручку и поделился: – Заперто.

– Ниже пошли, – предложил я.

– Постой, идет кто-то.

За дверью послышалось шуршание и возня, и перед нами появился толстяк. Волосы так внезапно появившегося гражданина были мокрыми от пота и свисали сосульками, придавая толстяку крайне неопрятный вид. Пиджак был порван, одного рукава так и вовсе не хватало, а под глазом зиял большой лиловый синяк.

Подойдя к стеклу, человек остановился и тупым немигающим взглядом уставился на нас, роняя изо рта слюну.

– Э, мужик, – Леха постучал по стеклу согнутым пальцем, – ты чего, траванулся что ли?

– И подрался, – заключил я, кивая на отсутствующий рукав.

Тупой взгляд и молчание были нам ответом.

– Мужик?! – Юрист снова постучал, на этот раз уже сильнее. – Что с тобой?

Дальнейшее действие произошло в считанные секунды, но растянулось для меня, как будто кто-то нарочно, кадр за кадром, оттягивает пленку в киноаппарате. Получается это у него неловко, потому и сама картинка то ускоряется, то замедляется и изображение идет рывками.

За мгновение манера поведения толстяка преобразилась. Из тупого овоща он в мгновение ока превратился в бешеного зверя. Руки затряслись мелкой дрожью, толстые губы раздвинулись, показав ряд неровных, пожелтевших от кофеина зубов, и он со всего размаха впечатался лбом в стекло. Крепкое, двухслойное, оно выдержало, но удар был столь сокрушителен, что по нему побежали быстрые тонкие полосы сколов, превращая гладкую поверхность в паутину. За первым незамедлительно последовал второй удар, заставив нас отпрыгнуть от водопада стеклянных брызг, обрушившихся на пол.

– Чертов псих! – взвизгнул юрист, пятась вверх по лестнице. В глазах его отразилось недоумение.

Быстрее всех в этой ситуации сориентировался я. Не дожидаясь, когда толстяк прорвется через запертую дверь, я схватил Алексея за руку и потянул за собой наверх.

– Ходу, Леха, ходу! – орал я на все здание. – Мужик нас не на шашлыки приглашает.

Через несколько ступенек Леха уже пришел в норму и припустил быстрее моего, за пару прыжков оказавшись у тяжелой железной двери, ведущей на наш этаж.

– Костик, быстрее, лезет!

Обернувшись, я увидел, как, все-таки проломив двойное стекло, сумасшедший пытается пролезть сквозь образовавшийся лаз. Осколки, впившиеся ему в лицо, и ручейки крови от порезов на лбу будто даже не мешали, а лишь раззадоривали толстяка. Если бы не тучная комплекция сумасшедшего, то он давно уже прорвался на черную лестницу, и что было бы дальше, сложно себе представить. Нет, конечно, да почти наверняка, мы бы вдвоем справились с мужиком, но проверять это решительно не хотелось, и, проскользнув вслед за приятелем в открытую дверь, я быстро провернул ключ в замочной скважине.

– Успели, – Леха сполз на пол и сейчас старался прийти в себя, тяжело дыша.

– Дуй к охраннику, – кивнул я. – Живее. У него там электрошокер есть или баллончик, в общем, что-то есть.

– А ты?

– А я привалю дверь.

Вскочив на ноги, юрист умчался по коридору к посту охраны, а я еще раз осмотрел последнее препятствие на пути сумасшедшего. Дверь была знатная, стальная, сработанная и установленная на совесть, и ворваться сквозь нее можно было разве что посредством тарана. Так я думал до последнего момента, пока тяжелое тело с той стороны не ударилось о стальную поверхность.

– Ах ты ж, – от неожиданности я буквально подпрыгнул на месте и стал судорожно ози-
раться.

Громоздкой мебели в офисе была масса, но вся она располагалась в кабинетах, так что использование ее ввиду затруднительной транспортабельности было весьма сомнительно. Рядом со мной находились стулья для посетителей, но идею соорудить из них баррикаду я тут же похоронил, едва оторвав один из них от пола. Массивно и добротно эта мебель лишь выглядела, а на деле была легче перышка. Даже такой хилак, как я, мог преспокойно нести два, а то и три таких стула и ни разу не запыхаться. Вот оно, большое бюро с документацией, поставленное в коридор скорее для солидности, чем для функционала. После появления этого элемента интерьера сотрудники зачастую использовали его для хранения опечатанных бланков и прочей ненужной макулатуры. Конечно, дотащить такую громадину в одиночку было решительно невозможно. Даже сюда его затаскивали два здоровенных грузчика, но если, предположим, приподнять его за дальний край, поставить на бок, а потом попросту опрокинуть? Бинго!

Стараясь не слушать глухие удары тела об дверь, я подбежал к бюро и, схватившись за дальний край, начал воплощать свой гениальный план в жизнь. Сначала мебель решительно отказывалась хоть как-то отрываться от пола, но, благодаря моим невероятным усилиям, приподнимаемый край медленно, но верно пополз вверх. Стараясь не разжимать пальцев, я уперся ногой в угол, дело пошло существенно лучше, и, наконец, бюро встало на боковую стенку. Отлично, последнее усилие. Упершись в него руками, я что было сил толкнул чертову деревяшку, и та, о радость, накренившись, рухнула на пол, окончательно заблокировав дверь, выходящую на черную лестницу. В тот же момент прекратились и удары, и в офисе наступила противоестественная, звенящая тишина. Наконец, из дальнего конца коридора послышались топотливые шаги.

– Что там? – поинтересовался Леха, показывая на заблокированную дверь.

– Притих, – кивнул я, вытирая выступивший на лбу пот. – Понял, тварь, что уже не про-
рваться, и дальше пошел безобразничать. – Полицию бы вызвать, а то он там дел натворит. Что, ну что?

– Полиции не будет, – развел руками охранник. – Когда Алексей сообщил о хули-
гане на лестнице, я первым делом снова попытался связаться с центральным постом. Ничего не добившись, как и во все предыдущие попытки, я все-таки дозвонился на городской теле-

фон ближайшего полицейского участка, но там мне лишь посоветовали смотреть новости и не показывать носа на улицу. Более приватный разговор, как вы понимаете, не состоялся.

– Новости, – хмыкнул я, – пошли тогда новости смотреть.

Единственный телевизор, использовавшийся для прокрутки презентаций, висел в переговорной генерального директора, находящейся за два кабинета до моего. Засиживаясь допоздна, мы с коллегами, бывало, включали огромную плазменную панель и смотрели по ней футбол или подключали игровую приставку, естественно без ведома вышестоящего руководства. Грех этот был небольшой, да и знали о нем все, так что смотрели на это сквозь пальцы. Дисциплина-то не страдает, а показатели растут, так чего футбол вечером не глянуть, если уже домой к началу матча не успеваешь.

– Мальчики, что там у вас? – Из кабинета с надписью «Отдел кадров» наконец показалась четвертая участница нашего действия, ведущий делопроизводитель Галина Вовк, выпцветшая дама средних лет с былым отблеском стати, красоты и гармонии, а ныне серая мышь с татуажом вместо бровей и броским, но некрасивым макияжем. Мальчиками она называла всех, независимо от возраста и социального положения, и делала это настолько убедительно, что даже высшее руководство не находило что сказать. В конце концов, весь офис решил для себя негласным уговором, что для госпожи Вовк подобное обращение к коллегам позволительно, и все перестали обращать на это внимание.

– Псих какой-то, – Леха кивнул в сторону двери, придавленной массивным деревянным бюро. – Бошку в кровь расшиб, на людей кидается. Мы, от греха подальше, дверь на ключ закрыли, а Константин еще деревьями привалил, так спокойнее.

– И правильно, – быстро закивала женщина. – Полицию уже вызвали?

– Вот с этим проблема, – вздохнул я. – Ни полиции, ни ремонтников починить единственный в нашем крыле доступный лифт, ни остальных сотрудников, судя по всему, не ожидается.

– Действительно! – воскликнула Галина. – А где все? Я с утра одна в отделе. Ни бухгалтерии, ни секретарей. Входящих звонков и факсов и то нет. Впрочем, звонили часа четыре назад, спрашивали какого-то Марка, но, похоже, ошиблись номером.

– Ошиблись, – тут же оживился охранник. – Марк это я.

– Мы, кстати, так и не познакомились. – Улыбнулся я и протянул седому руку. – Вы вроде у нас недавно? Я Константин, главный финансовый консультант компании.

– Да, вы правы, – смущенно улыбнулся пожилой, пожимая мою руку. – Два дня, только недавно устроился. Я же военный пенсионер, времени масса, а энергии и подавно. Решил вот подработать.

– Это Алексей, юрисконсульт, и Галина из отдела кадров, – поспешил представить я остальных. – Вроде бы еще кто-то был?

– Логисты еще, – напомнил Леха, – Семеныч сидит у себя в кабинете и в ус не дует. От пасьянса наверняка не оторваться.

– Надо бы позвать Петра Семеновича, – встрепенулась Галина, – он человек разумный, может, что-то толковое присоветует.

– Обязательно, – хмыкнул я, – вот вы и позовите, а мы тем временем в переговорную. Один замечательный полицейский настойчиво порекомендовал посмотреть новости, а мы как законопослушные граждане и налогоплательщики никогда не были глухи к представителям исполнительной власти. Айда за мной к телику!

Ключ от приемной уже по сложившейся традиции принес охранник Марк и, открыв дверь в вожаемое помещение, я щелкнул выключателем.

– Странно пахнет, – Леха потянул ноздрями воздух и сморщился, – как будто кошка сдохла.

– Ты нюхал дохлых кошек? – Как бы между прочим поинтересовался я, направляясь к большому черному прямоугольнику на стене.

– Включай, хохмач, – отмахнулся юрист и уселся в первое же попавшееся по пути кресло.

Быстро справившись с пультом, я принялся щелкать по каналам, но большинство из них транслировали серое шипящее месиво, и лишь на нескольких частотах еще бурлила жизнь.

Первая же картинка новостного репортажа заставила всех остолбенеть.

На экране появилась растрепанная девушка, с испачканным копотью и исцарапанным лицом. Глаза журналистки бегали, в них явно читался испуг, да и камера постоянно гуляла туда-сюда, будто оператор силился устоять на ногах. Сам репортаж велся с крыши торгового центра, куда, очевидно, приземлился вертолет телекомпании. Пилот, на заднем плане, даже не потрудился заглушить двигатели, так что слова девушки почти тонули в реве и завывании пропеллеров железной птицы со стилизованной единицей на борту.

«... тем не менее город оцеплен медицинскими кордонами по всему периметру, – кричала в микрофон журналистка. – Из основных рекомендаций министерства чрезвычайных ситуаций следует выделить основные. Первая – пить только бутилированную воду, исключив попадание в организм воды из канализации. Все порезы и открытые раны следует немедленно обрабатывать, не давая развиваться инфекции. На улицу следует выходить только в случае крайней необходимости, исключив любой контакт с любым инфицированным или зараженным. Если у вас все-таки остался шанс покинуть населенный пункт, двигайтесь по окружному шоссе. Проезд по нему пока еще контролируется внутренними войсками, но вскоре и этот путь окажется недоступным.

В точках приема беженцев вам окажут необходимую медицинскую помощь. Вам предоставят кров над головой и горячую пищу.

С вами была Елена Сергеева. Встретимся с вами в вечернем репортаже. Не отключайте свои телевизоры и радиоприемники и не выходите на улицу без острой необходимости».

Камера медленно поплыла вниз, открывая нашим глазам поистине апокалипсическую картину. Город горел. – Несколько столбов едкого черного дыма устремились вверх над промзоной. С высоты, откуда велась прямая трансляция, можно было увидеть десятки, нет, даже сотни брошенных и разбитых машин, и людей, мечущихся, кричащих, проклинающих бога и сатану. Люди внизу, впрочем, были двух категорий, и если первые панически отступали, то вторые лезли напролом, стараясь дотянуться до бегущих. Вот камера выхватила участок площади, по которой из последних сил бежала девушка. Платье ее было порвано в нескольких местах, прическа растрепана, в глазах стоял ужас, а по пятам, прыжками и невероятными кульбитами, за ней неслась беснующаяся толпа. Они не кричали, нет, они ревели, тем самым животным рыком, который можно услышать на одном из каналов про природу. Он преследовали свою жертву, загоняя ее, как загоняют волки изможденную и израненную лань, стремясь настигнуть и вцепиться зубами в глотку, а потом рвать огромные окровавленные куски плоти из еще живой и трепещущей жертвы. Наконец толпа нагнала несчастную и набросилась, как будто она была единым целым, накрыла волной из беснующихся тел.

– Вот ты ж хрень, – достав из кармана пиджака пачку сигарет, я попытался закурить. С первого раза, впрочем, не получилось, руки тряслись, как у пропойцы по утрам. Да что там я, Леха так вообще рванул к окну и, распахнув створки, принялся опустошать свой и без того пустой желудок. Один Марк, пожилой охранник, устроившийся в наш офис дня два назад, сидел молча, не прибегая к никотину и не выказывая никакого проявления слабости.

В дверном проеме появился Петр Семенович под руку с Галиной и в свойственной ему манере поинтересовался:

– Господа, в чем дело, господа? Милейшая Галя в панике, лифт не работает, я попытался позвонить в кафе, чтобы забронировать столик на обед, так там молчат, будто нет никого?

– Петр Семенович, – я глубоко затынулся и выпустил струю дыма в потолок, – у нас тут ситуация.

– И какая же, позвольте спросить? – Отделившись от своей спутницы, логист прошествовал по комнате и уселся в кресло, которое обычно занимает генеральный.

– Да вот, полюбуйтесь. – Пощелкав пультом, я поймал еще один работающий информационный канал.

На этот раз репортаж вел средних лет мужчина, скорее привыкший передавать фронтовые сводки, чем сплетни гламурных тусовок. Говорил он четко, по делу, без лишнего апломба, опять же с крыши какого-то здания, имеющего вертолетную площадку.

– Загадочная эпидемия обрела просто колоссальные масштабы и стремительно распространяется не только по территории Российской Федерации, – кричал он в микрофон, пытаясь перекрыть шум беснующейся внизу толпы. Сведения об очагах поступают из Германии, Бельгии, Украины. По пока еще неподтвержденным сведениям странной эпидемии подвержено более девяноста пяти процентов всего населения Эстонии и Литвы. Ни в коем случае не выходите на улицу, а если все-таки выбрались, то чешите во все лопатки в пригород, туда, где кучность населения сведена на нет, и шанс повстречать инфицированного крайне мал. Идеально подойдут лесные массивы, находящиеся вдали от путей сообщения, острова, любая возвышенность, путь куда можно легко преградить.

Передвигаться старайтесь парами. В первую очередь постарайтесь разжиться огнестрельным оружием, питьевой водой для исключения обезвоживания, медикаментами и парафиновыми свечами. Мобильная связь, электричество и Интернет, скорее всего, будут недоступны, так что, если есть возможность общаться на коротких волнах по городу и длинноволновыми, воспользуйтесь. Частоты для связи с пунктами эвакуации вы видите сейчас в нижней части вашего экрана.

Если же вы оказались заблокированы в здании и не имеете возможности выбраться наружу, любыми средствами покажите спасательным командам ваше местоположение. Идеально подойдут белые тряпки, вывешенные на окнах, или надписи на крышах домов. МЧС при первичном облете будет фиксировать именно такие опознавательные знаки.

Всеми силами старайтесь избежать контакта с инфицированными. Основными признаками начальной стадии заражения является повышенная температура и ломота в суставах, те самые симптомы, которые можно легко приписать к банальному переутомлению или начинающемуся гриппу, будьте бдительны, от этого зависит ваша жизнь. Действия инфицированных крайне агрессивны и неконтролируемы. Не впускайте зараженных в здание, а если таковые есть среди вас, постарайтесь изолировать их от остальных в отдельном помещении.

Спасательные работы ведутся только днем, ввиду невозможности облета вертолетами города в ночное время. Днем бодрствуйте, расставляйте знаки, малюйте на крыше слова, вас найдут, не сомневайтесь, и, самое главное, не поддавайтесь панике сами и не давайте паниковать другим. Любое необдуманное действие с вашей стороны, скорее всего, приведет к печальным последствиям, а то и к летальному исходу.

С вами был Денис Пономарев, встретимся через три часа на крыше нашего телецентра, с новостями по сложившейся обстановке и новыми рекомендациями спасательных служб.

– Что будем делать? – окончательно распровавшись с содержимым своего желудка, Алексей тщательно вытер рот одноразовой салфеткой, и, подумав секунду, принялся разворачивать пластинку жвачки.

– То, что советуют, – кивнул я. – Бешеный с черного хода точно не прорвется, там только на танке. Воды у нас вроде достаточно, вчера только видел завоз.

– Литров триста есть, – подтвердил Марк, – сам смену принимал, пересчитывали.

– Отлично, – кивнул я. – Пожрать у кого есть?

– У меня два контейнера с супом, – подняла руку Галина.

– Бутерброды с сыром и отбивная, – откликнулся логист.

– У меня тоже три контейнера с рисом и курицей, – вновь подал голос охранник.

– Отлично, – я потер руку об руку. – Присовокупим ко всему этому продукты в офисном холодильнике и набор вин дражайшего патрона, которые он хранит в баре-глобусе. Неплохо, пару дней протянем, если что, а потом нас, думаю, снимет с крыши вертолет МЧС.

– Как же снимет-то, они же не знают, – встрепнулся Леха. – Нам бы краской на крыше написать, я в подсобке у завхоза видел банку белой краски.

– Займемся этим чуть погодя, – уверенно кивнул я, не заметив, как вдруг оказался лидером этой маленькой компании. – Я схожу на крышу, Марк мне поможет и засветло намалюем аршинными буквами все, что надо. Теперь по медикаментам.

Все крепко задумались, пытаюсь сообразить, что к чему, и первым голос подал Петр Семенович.

– У меня с собой валокордин и обезболивающее, – кивнул он. – Больше вроде ничего.

– На посту есть аптечка, – вспомнил Марк, – я ее тоже принимал по описи, но что там конкретно, сказать не могу, не помню.

– Посмотри, – кивнул я. – Остальным же отдельная просьба. В первую голову постараться отзвониться родным и близким, пока еще функционирует мобильная связь. Узнать, как у них дела, а заодно сообщить о своем местонахождении. Это маленькая, но все-таки помощь, и ей пренебрегать не следует. Кстати, Марк, вы же охранник! У вас же должен быть пистолет?

– Нет пистолета, – развел руками пожилой. – Я же не инкассатор. Работа сидячая, люди цивилизные вокруг, не положено.

– А что вообще есть?

– Дубинка резиновая, перцовый баллончик, шокер опять же.

– Заряжается от сети?

– Да.

– Аккумуляторы встроенные?

– Нет, три запасных в ящике стола.

– Нормально, – я секунду помедлил, прокручивая ситуацию в голове. – Первым делом посмотрите заряд всех, и если есть проблемы, зарядите, а то, не ровен час, рубанут электричество. Свечей, как понимаю, тоже нет?

– Фонарик был у завхоза, – вспомнила Галина. – Недели три назад вечером электричество выбило, так Денис Борисович с ним к щитовой ходил.

– Осмотреть кладовку завхоза, – поднял я палец вверх. – Алексей, не сочти за труд, займись, как своих обзовишь. Все что сочтешь нужным, тащи сюда и выкладывай на стол. Да, это всех касается. Перетрясите все ящики, ищите съестное и медикаменты.

– Как же так, – взвилась единственная дама в нашей компании. – Это же воровство.

Тяжело вздохнув, я внимательно посмотрел на ведущего делопроизводителя.

– Галина, поверьте мне, бывшие владельцы всех тех вещей, которые возможно станут нам жизненно необходимы, не будут возражать, меньше в силу солидарности, а больше ввиду того, что их, наверное, и в живых нет, а если и есть, то бродят вот в таком состоянии по улице, – палец мой уперся в экран телевизора, где кто-то из неугомонных операторов транслировал картинку происходящего на улице, – если это состояние вообще за жизнь считать можно.

– Вы думаете? – ахнула та.

– Посмотрите на ситуацию здраво, – печально улыбнулся я. – Все, о чем идет речь, думаю, можно легко наблюдать из окна, ну или сходить на пожарную лестницу, чего бы я лично не рекомендовал. Ладно, совещание чрезвычайного штаба закончено. Всем приступить к своим обязанностям.

Выйдя из конференц-зала, все принялись судорожно тискать кнопки своих мобильных телефонов, сию же минуту дозвониться до родных и близких, что, впрочем, предпринял и я.

Сеть висит, заключил я после десятой тщетной попытки дозвониться до родных и с разочарованием бросил мобильник на стол. Чертова сотовая связь постоянно подбрасывала милые сюрпризы, особенно любя этим заниматься в канун больших праздников, когда подавляющее большинство россиян вспоминало, что у них есть мамы, папы, братья и сестры, и хорошо бы поздравить их, хотя бы издалека. Самый простой и самый дешевый способ поздравления это звонок с сотового. Другим раньше было общение, интересным, захватывающим. Строчки, лежащие на чистый лист бумаги, несли в себе теплоту чувств, эмоций, доверия и любви, и, в конце концов, решивший поделиться новостями или поздравить с днем рождения способен был хотя бы писать. Что теперь? Привет, как дела? Да убил бы за эту фразу, настолько едкую и противоестественную, что оторопь берет. Пакость, а не фраза, да и вообще, если человек говорит, что дела у него идут хорошо, это означает что, скорее всего, ты сам неходишь в круг его доверенных слушателей.

Мысли, вертевшиеся в голове, требовали материального воплощения, и прежде всего я решил составить краткий план действий. Взяв чистый лист бумаги и шариковую ручку, я, высунув от старания кончик языка, вывел печатными буквами «План» и призадумался.

Первое, что следовало сделать, это действительно обозначиться, а то, не дай бог, пройдет вертушка над головой и не заметит. Краска, слава богу, имелась, да и доступ на крышу присутствовал, а вот с простынями была напряженка. Ну не было в офисе постельного белья, хоть в лепешку расшибись. Прикинув площадь крыши и количество краски, я решил, что этого более чем достаточно, так что мысли о сигналах в окнах решил оставить на потом. Следовало бы, конечно, не отключать свет в холле, и тогда среди ночи наш небоскреб было бы просто невозможно не заметить, но этот вариант имел и свои минусы. Для света требовалось электричество, а оно, очень вероятно, могло попросту исчезнуть. Обслуживать станции и генераторы было уже некому, и малейшая поломка или авария грозили погрузить нас во мрак. Была еще крохотная надежда на генераторы самого здания, так сказать резервный контур, который мог запуститься после исчезновения напряжения в сети и худо-бедно давать тепло и свет, но на сколько их хватит, одному Богу известно. Кстати, в Бога я не верил. Не верил раньше, не уверовал и сейчас. Все, что происходило на улицах в данный момент, попросту кричало о том, что тот большой парень, который присматривает за всем, если уж и существует, то куда-то отошел.

– Написать на крыше послание для спасателей, – вывел я первый пункт.

Безумно хотелось верить, что вот-вот мы услышим шум вертолетного винта и на крышу опустится большая оранжевая птица с розой ветров на борту. Но будучи реалистом, я вообще не верил, что нас хватятся и будут искать служащих вроде нас. Кто мы? Офисные крысы, паразиты на теле человечества, не способные творить и производить. Мы не врачи, не ученые, не ремесленники, чтобы вытаскивать нас в первую очередь. Если и доберутся до нас, то сильно погода, и потому следует распределить припасы, растянув их на как можно больший период времени. Количество еды, заявленное раньше, хоть и впечатлило поначалу, но, прикинув все за и против, я решил, что надолго их вряд ли хватит. Дня два, может три, неделя, если питаться абсолютно скудно. А резать рацион по минимуму – это признавать, что спасать нас не торопятся. Что потом? Паника? Паники мне не надо.

За Леху я был спокоен. Веснушчатый юрист хоть и производил впечатление взбалмошного недотепы, но был матерым профессионалом своего дела и старался придерживаться упорядоченности и рамок закона во всем, как в работе, так и в жизни. От такой паники не дождешься, разве что шутки дурацкой. Галина, вот ее я абсолютно не знаю. Что, если она асоциальный психопат или еще что похуже? Не получится этого понять, пока ситуация не схватит за горло и не примется выбивать из тебя весь дух, а это случится, и случится гораздо быстрее, чем все ожидают. Что наш уважаемый логист? Вот это самое слабое звено. Петр Семенович насквозь гражданский и мирный человек, такому бы подошли садовые грабли и шезлонг

под яблоней на шести сотках где-нибудь в области, а не сидячая работа в душном кабинете. Надеяться на него, пожалуй, не стоит, но и мешать он вряд ли будет, кишка тонка. Марк, пожилой охранник и отставной военный, каких бесчисленное множество протирают штаны в огромном количестве расплодившихся за последнее время ЧОПов. Не приспособлены они к гражданской жизни, потому и тянутся опять к форме, к минимальной зоне ответственности и режиму, а только охрана это дать и может. К гражданской жизни они не приспособлены, а вот к военной? За окном же настоящая бойня, даром что только пули не свистят, а в остальном война войной. Характер у нее, конечно, массовый, и враг к тому же может быть самым неожиданным, но от этого ситуация не меняется.

Улыбнувшись про себя, я опять взял в руку шариковую ручку и вывел еще два пункта:

– Распределить еду;

– поинтересоваться у Марка его армейским прошлым.

Отлично. Начало положено, впрочем, и организационных вопросов прибавилось. В первую очередь медикаменты. Имеющаяся на посту охраны аптечка, скорее всего, забита под завязку, так что с бинтами и таблетками от головы проблем возникнуть не должно. Надо выяснить, нет ли у кого аллергий, серьезных проблем с сердцем и прочими внутренними органами, или, не дай бог, диабета. Если таковые найдутся, придется поскрипеть мозгами. Вторым вопросом опять же были продукты. Выходить в магазин было решительно нельзя, даже не из-за лени спускаться по бесчисленным ступенькам пожарной лестницы, с риском нарваться на толстяка-сумасшедшего, а в силу здравого смысла. Подойдя к окну кабинета, я распахнул створки и взглянул вниз, туда, где среди брошенных и горящих машин сновали туда-сюда чумные граждане, в поисках кого бы погрызть или что там им еще было надо. Расстояние от центрального входа до ближайшего магазина было метров сто вдоль по улице. Даже если предположить, что кто-то из нас умудрится без потерь спуститься, пробравшись через все возможные препятствия, как-то: агрессивные бывшие граждане или, скажем, закрытые двери, пусть он даже сможет пробежать по улице и незамеченным проникнуть в магазин. Все, хватит, уже утомляю. Перед зданием человек тридцать бешеных, не исключено даже, что кто-то из нашей конторы и вместе с ним мы вчера вечером сидели в баре и горланили песни. Посмотреть бы на их лица поближе, может и вправду кого из знакомых найду. Жаль, оптики с собой нет.

Задач на первое время было предостаточно, и, отложив ручку сторону, я взял лист и, аккуратно сложив, убрал в нагрудный карман рубашки. Телефон на столе вдруг завибрировал, подскочив на месте, и пополз в мою сторону.

– Звонок! – Я радостно схватил трубку и, не посмотрев имени абонента, нажал на зеленую клавишу. – Але, але, кто это?

– Это отец, сынок, – раздался взволнованный голос моего родителя. – Ты где? С тобой все нормально?

– Лучше не бывает, – хохотнул я. – Сiju в офисе на самой верхотуре. Ты-то сам как, где мама? Я до вас дозвониться не могу.

– С дачи не вылезает, – поделился родитель, – но ужасов по телевизору уже насмотрелись. У вас там действительно все так, как показывают?

– Хуже, – я сморщился от прогремевшего за окном взрыва. Похоже, рванул бензобак какой-то из брошенных машин. – Да пес со мной, как там у вас дела?

– На удивление все спокойно, – хмыкнул папа на том конце линии, – ты же знаешь, от нас до ближайшего магазина двадцать верст, так что сидим за высоким забором как у Христа за пазухой, воздухом дышим да запасы уничтожаем. Лена хотела в магазин съездить, но я запретил категорически. Сказал, мол, Костику позвоню, узнаю, что к чему, и тогда поездку будем планировать.

– Правильно, папа, и не выходите, – обрадованно закивал я. – Ситуация, думаю, скоро переменится к лучшему, но чтобы не дразнить судьбу, сидите дома. Да, твое охотничье ружье...

– Тут оно, – поспешил развеять мои опасения отец, – я же его сразу, как дачный сезон пошел, на дачу и перевез. Тут и ружьишко, и пять коробок патронов с картечью.

– Супер, – улыбнулся я. – Но все равно не выезжайте пока, повесьте на трубе белую тряпицу, как спасатели рекомендовали, и ждите. Продуктов-то надолго хватит?

– На год, – отец засмеялся, а потом добавил: – В погребе и соленья, и картошка, консервы, макароны и крупы разные есть. Чего благоверная в магазин рвется, понять не могу.

– Ну и хорошо, – вновь улыбнулся я.

– Ты когда к нам доберешься? – последовал следующий вопрос, поставивший меня в тупик.

– Даже не знаю, па, – я в задумчивости постучал пальцами по столу. – Будем ждать эвакуации с воздуха, а потом как до лагеря спасательного доберусь, так сразу к вам, мимо точно не проеду.

– Сынок, сынок, что у вас там происходит? – это уже моя мама взяла инициативу, конфисковав у отца телефон.

– Ма, – зачастил я, – да все нормально. Сидим наверху, заперлись со всех сторон. Еды и воды навалом, сейчас вот на крышу пойдем знаки для МЧС рисовать. Ты не волнуйся только, сидите с отцом за забором и не выезжайте никуда, а я, как спущусь, сразу к вам первым делом.

– Обещай мне не делать глупостей, – потребовала мама менторским тоном.

– Клянусь, – закивал я. – Всем, что дорого мне на этом свете. Ноутбуком, сотовым телефоном, немецким автопромом и любимой футбольной командой.

– Клоун, – вздохнула женщина.

– Так точно, – быстро согласился я. – Ладно, дай папу.

Трубку вновь взял отец.

– Слушай, хотел тебя спросить, – я прикинул маршрут выезда из города. – Ответвление от трассы на нашу дачу, ну та грунтовая дорога. Помнится, там местные власти ремонт затеяли, то ли трубы клали, то ли кабель бросали. Закончили они?

– Нет, конечно. Ты же знаешь, как у нас, раскопают и забудут.

– То есть на седане не пройти?

– Да и на внедорожнике-то не особо пройдешь. Я и то круголя давал по проселкам, так лишних два часа и треть бака бензина на ветер. Доехал, но напрыгались по кочкам на всю жизнь.

– Учту. Ладно, береги батарею. Соты не очень долго будут работать, так что если вдруг связь вырубится, не особо волнуйся.

– Понятно, – отец на секунду замаялся. – Костик, ты уверен, что все исправится?

– Нет, папа, не уверен, это я тебя успокаиваю.

– Ты? – ахнул отец. – Ты, сопля зеленая, еще меня успокаиваешь?

– Да, я, – рассмеялся я в трубку. – Кто же кроме меня теперь успокоит. Ты, главное, маме не говори, пусть не волнуется лишний раз, сердце у нее слабое, если не забыл.

– Не забыл, – подтвердил отец. – Такое попробуй забудь. Правда, мать твоя не дура, и так новости смотрит, и факты сложить в картинку может. Видел, кстати, последние?

– Нет? Что-то важное?

– Потеряна связь с Японией. Спутники показывают только мельтешение бешеных на островах, ни активности выживших, ни передвижения войск.

– Вообще?

– Вообще.

– Что еще?

– В Англии все хуже, там им тоже никуда не деться, а самая плохая ситуация в Китае.

– То есть по всему миру получается?

– Выходит так.

– Мда, – я в недоумении почесал затылок, – не думал, что до такого доживу.

– А я думаешь, предполагал? – подивился родитель. – Читал я про что-то такое, но подобные тексты не иначе как фантастическими романами не назывались. Не думал...

– Что не думал?

– Да все. Все же рухнуло, сам посмотри. В городах бесчинствуют бешеные, начинается дикий дефицит бензина, отсюда взлетают цены на продовольствие. Мужик по новостям сообщил, что за банку тушенки нынче просят пятьсот рублей. Это за банку-то! Боюсь представить, сколько сейчас литр коньяка стоит.

– Коньяк не в счет, – отмахнулся я, – у нас у босса полный бар дорожущим алкоголем забит, так что прихвачу пару пузырьков, будь спокоен. Сейчас другая валюта пойдет, патроны, оружие. Мы же не в Америке, чтоб в каждой семье по стволу было, у нас это экзотика, так что по огнестрелу скоро драка нешуточная пойдет. Ты свою двухстволку береги.

– Естественно, – согласился отец. – Видел я по новостям, что зараженные вытворяют. Конечно, у нас место спокойное, могут и не добраться, но если уж покажутся, то не поздороваются.

– На этом и стоим, – похвалил я. – Ну давай, не кисните там. Как выберусь, сразу в вашу сторону. Маме привет.

Из кабинета я вышел в приподнятом настроении. Шутка ли, узнать, что с твоими родными все в порядке, особенно в такой момент. Захлопнув дверь, я отправился напрямик в переговорную, где на широком столе, стоящем посередине, уже была навалена преизрядная гора всякого добра.

– С таблетками нормально, – радостно пояснил Леха, кивая на груды картонных упаковок. По количеству медикаментов можно заключить, что у нас половина офиса была смертельно больна, причем самыми экзотическими болезнями.

– Почитай Большую медицинскую энциклопедию, – посоветовал я, – и ты заболеешь.

– Не, – замахал руками юрист, – не наш сценарий. Лучше уж в неведении помереть. Из полезного еще три банки белой краски, кисточки, две бухты веревки, зачем она в офисе – неизвестно, но пятой точкой чую, что пригодятся.

– Замечательная вещь, – взяв прислоненный к краю стола топор с красной деревянной ручкой, я взвесил его на руке.

– Ага, оттуда же, – пояснил Леха. – Наш завхоз запаслив как хомяк. Из дальнейших вкусок свечи, стеганый ватник, это чтоб бешеным сложнее было в филей впитаться, и толстенные кожаные перчатки. – Вытянув из-под общей кучи пару перчаток с длинными крагами, он помахал ими перед моим лицом.

– На мотоциклетные похожи, – прищурился я. – Антиквариат.

– Тоже показалось, в фильме старом такие видел, вот и смекнул, что могут сгодиться.

– Что еще?

– Да все, пожалуй. Бумага и ленты для факсов нам, думаю, без надобности. Я сначала думал один рулон размотать и на манер флага повесить, чтоб из окна болтался, но там такой ветер, что вмиг разметает.

– Остановимся на краске. – Кивнул я и поднял с пола большую железную банку.

– Зарядил, – в дверях появился Марк. – На зарядку точнее поставил. Сейчас один аккумулятор до ума дойдет, там не больше двух часов, потом поменяем, к вечеру будет полный комплект.

– Остальные где?

– Логист у себя, – кивнул Леха. – В Интернет полез. Говорит, пока работает, надо как можно больше информации нарыть, так что часа через полтора обещал поделиться. Галина с кем-то общается по телефону и постоянно плачет, так что из ходячих мы втроем.

– Значит, так, – взвесив на ладони банку с краской, я положил ее в валявшийся тут же полиэтиленовый пакет. Кисточку отправил следом. – Сейчас все втроем идем к черному ходу.

– Там же бешеный, – напомнил юрист. – Кинется же, по-любому кинется.

– Не кинется, – отмахнулся я. – Мы для него добыча недосыгаемая, как банка шпрот для кошки. Знает, что внутри, а за ключ потянуть не в состоянии, так что, думаю, ушел он давно. Сейчас действуем так. Берем все, чем можно вооружиться, оттаскиваем баррикаду и тихонечко, без лишнего шума поднимаемся вверх. Рисовать каракули пойдем мы с Марком, а ты, Алексей, останешься дежурить у двери. Как выйдем, запири на ключ, но никуда не отходи. Не исключено, что отступать будем вприпрыжку, так что возня с замком нам ни к чему. Понял?

– Не дурак, – кивнул Леха. – Может еще кодовое слово придумаем, чтоб чужих не пускать?

– И еще ритуальный танец, – передразнил я. – Кодового слова нам только не хватало. Да если вдруг сюда забредет тот, кто в здравом уме и не заражен, так честь ему и хвала, пусть остается, а по поводу бешеных, так что-то не припомню, чтобы они голосили. Толстяк разве что рычал бессвязно.

– Ладно, – кивнул Марк.

– Отлично, – согласился Алексей.

– Пошли, – взяв пакет с банкой, я кивнул охраннику, мол, топор не забудь, и наша троица уверенно двинулась к черному ходу.

Осторожно приблизившись к двери, я прислонил к ней ухо, пытаюсь уловить хоть какой-то звук.

– Ну, что там? – шепнул Леха, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

– Похоже, ушел, – пожал я плечами. – За дверью тишина.

– Так он и в первый раз не шумел, пока через стекло ломиться не стал, – напомнил мне юрист. – Может, и сейчас стоит неподалеку и буркалы свои тупые в стенку пялит, а мы раз и выходим. Здрасьте, мол, уважаемый, заждались?

– Твои предложения?

– Идти, – кивнул Леха, – только тихо, и если что, сразу назад.

– Советчик, – я вздохнул и, кивнув остальным, помогайте, мол, вцепился в деревянную конструкцию, преграждающую выход. Втроем двигать ее было гораздо сподручнее, да и легче, и буквально через несколько секунд путь был расчищен.

– Как начнем подниматься, закрывай сразу на ключ и от двери никуда, – напомнил я Алексею и как можно тише провернул ключ по часовой стрелке. Дверь, ведущая на лестницу, распахнулась и все напряглись, ожидая худшего. Юрист выставил вперед электрошокер, готовый в любой момент нажать на кнопку, а Марк занес над головой топор, но как ни удивительно, но ничего не произошло. Лестница в обоих направлениях была абсолютно пуста, лишь пятна крови на полу, натекающие из порезов толстяка, свидетельствовали о разыгравшейся здесь пару часов назад трагедии.

– Как с поросенка, – кивнул охранник, указывая на бурые пятна на полу. – Видать, что-то перебил стеклом, когда за вами гнался.

– Хорошо бы, – кивнул я, – одной проблемой меньше.

– Вы тут трепаться встали или дело делать? – возмутился Леха, – сейчас кто еще придет, в жизни не отма-шемся.

– Не гони, все путем, – подняв с пола пакет, я первый шагнул за дверь и, подойдя к перилам, посмотрел вниз, в шахту лестничных пролетов, но там было тихо. Протоестественно тихо, неприятно. Не хлопали двери, никто не голосил, не рассказывал анекдоты и не стрелял сигарет, тишина стояла мертвая.

– Интересно, – поинтересовался идущий следом за мной охранник, – сколько еще людей осталось в здании?

– Именно людей?

– Да, инфицированные не в счет.

– Сложно сказать, – я отошел от перил и начал подниматься по лестнице, ведущей к люку в потолке. – Хотя и много народа помещения снимают, но даже у нас, и то пять всего. Наверное, и во всех остальных офисах так, а если все-таки где и затесался заболевший, то чума распространится стремительными темпами. Вербальный контакт, закрытые помещения, дурная голова и человеческий фактор, вот что в итоге человечество погубит.

– Откуда вообще взялась зараза эта? – произнес Марк, осматривая висячий замок на люке. – Все ведь нормально было, а потом – бах и конец света. Никто ничего не знает, справиться ни с чем не могут, везде паника и сумасбродство, и не локально ведь все это, а по всему миру. Куда ни глянь, в каждом уголке чертовщина творится.

– Ломай, – кивнул я. – Если закрыт, значит, никто не ходил, так что ни дуриков, ни живых мы там не встретим. Разве что голуби да пыль. Касательно твоего вопроса, так сам в догадках. Может, военные напортачили, может, террористы что не рассчитали, а может, хряснулся где метеорит, да тунгус на одежде заразу до населенного пункта донес. В любом случае истинная причина этого действия вряд ли когда станет общедоступна для простых людей.

Размахнувшись, Марк от души приложил топором по маленькому китайскому замочку, разворотив тот на две части.

– Готово. – довольно кивнул он. – Можно идти.

– Давай я первый, – толкнув люк, я опять прислушался, но кроме завывания ветра сквозь щели в рамах и затхлого запаха пыли ничего не уловил. – Пусто, – кивнул я. – Давай за мной.

Забросив в образовавшийся проем пакет с банкой, я подпрыгнул и, подтянувшись на руках, оказался на чердаке. Приняв из рук Марка топор, я дождался, когда он проде-
лает тот же кульбит, что и я, и мы вместе двинулись в сторону двери, выходящей на крышу. Искать ее, впрочем, особо не пришлось, так как она была тут единственная и, судя по отполи-
рованной ручке, частенько использовалась местными техниками. Заперта дверь была только на щеколду, и, отодвинув ее в сторону, я потянул за ручку, впуская в помещение холодный
пронзительный ветер.

– Холодно, – поежился я, тут же сильно пожалев, что не надел пиджак.

– Верхотура, ветер, – Марк высунул голову в дверной проем и махнул мне рукой.

– Что будем писать? – поинтересовался я, поддевая ногтем крышку банки и окунув туда кисть.

– Пиши «Помогите», – предложил седой. – Буквы побольше, с борта вертолета должно быть хорошо видно.

– Отлично, – кивнул я и принялся выводить первое слово, а потом подумал и добавил еще три.

– Так правильнее, – согласился Марк, полюбовавшись на мою работу, – вот надолго ли.

– Чем дольше, тем лучше, – хмуро кивнул я, откладывая кисть.

Двигаясь друг за другом, впереди охранник с топором, а позади я с початой банкой краски и испачканной белым кистью, мы принялись спускаться к нашему вынужденному жилищу, оставляя за собой метровые буквы на жестяных листах.

Если все-таки мимо нашего здания будет пролетать вертолет, то люди на борту вполне отчетливо смогут прочитать: «Помогите. Здесь есть живые».

Очередной выпуск новостей, который решено было посмотреть за обедом, не принес ничего нового. Везде была паника и разруха, войска даже не пытались войти в город, как и в любой другой крупный населенный пункт, и предпочитали стоять санитарными кордонами, что, впрочем, никого особо не удивило.

О причинах возникновения странной эпидемии, вызывающей бешенство, ничего до конца ясно не было. Одни кричали, что это происки Алькаиды, разработавшей в своих лабораториях секретное химическое оружие, другие винили силовиков, третьи же молчали и только освещали обстановку. По поводу вируса, а в том, что это именно он, ясно было следующее.

Во-первых, болезнь передавалась только при прямом контакте двух людей и никак иначе. Слизистая, слюна, порезы и мелкие раны идеально подходили для того, чтобы получить бешенство, ну а потом болезнь стремительно прогрессировала и буквально за несколько часов делала из старушки пантеру. Как ни странно, но на всех остальных вирус особо не распространялся. Кошки и собаки, попавшие в очаги заражения, чувствовали себя прекрасно и не проявляли признаков агрессии, а скорее наоборот, стремились убраться подальше от своих обезумевших от жажды крови хозяев. Ходили слухи, что бешенству подвержен крупный рогатый скот, но пока они оставались именно слухами, и достоверной информации по этому поводу не поступало.

Говорили о жертвах, их были тысячи. Кто не обращался, того разрывали на куски когда-то близкие и милые люди, и вот в этом и состояла основная проблема. Многие не верили, что, к примеру, их милый дедушка, сидящий в кресле и посасывающий трубку, может встать и перегрызть горло любимому внуку, а когда это происходило, было уже поздно. Та же система работала и с теми, кто умудрился достать в этой неразберихе оружие, что, как оказалось, было не таким уж и сложным делом. Навести на человека ствол, а уж тем более спустить курок, оказалось для многих сверхзадачей, за что большинство также поплатилось своими жизнями, но оставшиеся в живых, уже не колеблясь, давили на курок, разнося черепа обидчиков, будто те были из картона. Стреляли, стреляли плотно. О количестве огнестрельного оружия в городе и интенсивности его использования можно было судить по частым хлопкам выстрелов, стоило лишь только открыть окно, но не все эти выстрелы производились обычными людьми, спасающими жизнь себе и своим домочадцам. Не прошло и суток, как в городе появились мародеры, как будто ждавшие подобного случая. Хорошо вооруженные и экипированные как классический спецназ, они громили ювелирные магазины, взрывали сейфы в опустевших банках и буквально машинами вывозили ценности из города. Как это выходило у них в обход военных кордонов, сказать было сложно, но и они вскоре начали затихать. Даже не ввиду того, что добро закончилось, а потому что бешеные, числом серьезно перевешивающие искателей легкой наживы, не обращая внимания на автоматную пальбу, рвались к живым, тянулись своими грабками, стараясь убить, разорвать в клочки, изничтожить, и с каждым днем у них это получалось все лучше и лучше.

Журналисты теперь даже не пытались приземляться на крыши, а барражировали над городом, освещая последние события, а заодно и собирая оставшихся в живых, а вот спасателей почему-то видно не было. По заверениям властей, работы в городе у них было непочатый край, но как я ни силился, не мог увидеть ни тех, ни других, а с нашей высоты не заметить вертолет было ой как сложно. Впрочем, на третий день, ближе к вечеру, мы все-таки его дождались.

– Летит, летит! – Леха бежал по коридору, стуча во все двери. – Летит!

Гул вертолетных винтов, доносившихся из окна, заглушал его крики, но было ясно – мы наконец-то дождались.

В момент появления спасательной группы я сидел в кабинете и упорно скачивал на мобильный карту для навигатора. Скорость была маленькая, паршивая, цифры то вздымались вверх, то стремительно обрушивались вниз, грозя в единый миг прервать соединение и обратить все мои старания в прах. Вскочив с кресла, я перескочил через стол и выскочил в коридор.

– Летит! – орал юрист, подпрыгивая и радуясь как ребенок.

– Летит? – Из кабинетов показались остальные, такие же возбужденные и взволнованные.

– На крышу, на крышу, – затараторил Марк и первым рванул в сторону двери, ведущей к пожарной лестнице.

Дружной, но нестройной толпой все мы бросились за ним, забыв про осторожность и соблюдение тишины. На последнее можно было наплевать, так как рев машины, приземляющейся на крышу, мог разбудить и мертвого. Быстро преодолев единственный лестничный пролет, отделяющий нас от такой желанной эвакуации, мы один за другим начали подниматься на крышу.

Выскочив последним, я на всякий случай прикрыл за собой дверь, подперев ее валяющимся тут же железным прутком, забытым когда-то кем-то из рабочих, и вслед за толпой ринулся к вождьленному борту с розой ветров и аббревиатурой на борту, и застыл в оцепенении. Из открытой двери на нас смотрел ствол автомата.

– Инфицированные есть? – рявкнул сержант, проводя стволом по нашей группе. – Я спрашиваю, инфицированные есть?

– Нет, – я вышел вперед, поднимая руки вверх. Сам до сих пор не знаю, почему я так сделал, но этот жест явно разрядил обстановку.

Вздыхнув, сержант опустил оружие и что-то крикнул сидящему в вертолете, тот ответил, кивая и бурно жестикулируя, и показывая на нас.

– Объясняю диспозицию, да заглуши винты, Серега, ни черта же не слышно, всю глотку сорвал. – Пилот в кабине зашаманил над приборной панелью и вдруг наступила тишина. – Объясняю диспозицию, – еще раз повторился военный. – Горючки мало, берем на борт только женщин, стариков и детей. Только их, молчать, – он вскинул вверх руку в штурмовой перчатке, мгновенно прекратив волну возбужденных голосов. – Это не моя блажь, а распоряжение командования. Только дети, старики и женщины, то есть те, кто, по мнению отцов командиров, не способен держать в руках оружия.

– А как же мы? – ахнул логист. – Как же быть нам? Мы уже третьи сутки находимся взаперти. Ни оружия, не боеприпасов у нас нет, да и еда кончается. Когда будет следующий вертолет?

Сержант посмотрел на Петра Семеновича и устало вздохнул. Видимо, подобный разговор повторялся у него уже несколько раз.

– Вертолета не будет, вертолетов вообще мало, пять машин всего. Еще меньше горючки. Используем стратегический запас, чтобы хоть кого-то вывезти из города по воздуху, минуя инфицированных. Обещают подбросить технику, но это будет недели через две, а с топливом так вообще беда, но я бы лично на эти рейсы не рассчитывал.

– То есть вы бросаете их здесь? – воскликнула Галина.

Сержант повел стволом в сторону кабины.

– Сигайте, дамочка, и не делайте из всего трагедию. Не бросаю, а оставляю. У меня и так уже перегруз, идем еле-еле, так что, в принципе, вполне могли уйти на базу без вашей персоны.

Оглянувшись на нас, Галина замялась, силясь что-то сказать. Логист отвел глаза, Марк хмыкнул, а Леха только махнул рукой и отвернулся.

– Идите, Галина, – кивнул я. – Это ваш шанс. Нас они точно не пустят, видите автомат? Они им не для защиты от бешеных, а для таких, как мы.

– Зря ты так, – военный сплюнул на землю. – Мы уже третьи сутки на ногах, ребята валяются от усталости, а пилоты так вообще на одном кофе живут. Настолько нахлебались, что уже не действуют.

– Извини, – потупился я, понимая, что сболтнул лишнего. – Получается, вы ничем не можете помочь?

– Почему? – хмыкнул сержант. – Два АК могу дать, один «Абакан», три цинка патронов, по нынешним временам это еще то богатство. С оружием обращаться умеете?

– Умеем, – быстро соврал я. Не то чтобы я совсем не держал оружие в руках. Было это, и предостаточно, еще в ту пору, когда в армии служил, но говорить о том, что навыки обращения с автоматом следует освежить, при сержанте я, по разумным соображениям, не стал. Вдруг решит, что стволы нам ни к чему и лучше отдать их не белым воротничкам, а взыправдашним воякам, в чьих руках они будут служить значительно эффективней?

– Тогда принимайте. – Сержант закинул свой автомат за плечо и принялся выгружать обещанное. – Все не заряженное, если что, чтоб палить не вздумали. Даже не пытайтесь, кстати, у меня на борту снайпер, вмиг почикает.

– Были прецеденты? – заинтересовался оживившийся при виде оружия Марк.

– Были, – подтвердел военный, передавая последний цинк, зеленую жестяную коробку, весьма тяжелую и на вид похожую на консервную банку, – очень уж здоровенным мужикам улететь хотелось. Вчера вот палили, суки, бак у седьмого пробил, так он еле дотянул. Думал, рухнет прямо на город. С тех пор только разряженное. Я бы после этого вообще оружие гражданским не давал, а вот командир уперся.

– Правильный мужик у тебя командир, – кивнул я. – Понимает.

– Да и я понимаю, – улыбнулся на прощание сержант и махнул пилоту, – только уж очень неохота пулю получить по глупости от какого-то «слона».

Пилот включил двигатели, и стремительно завращавшийся винт опять поднял тучи пыли. Откуда только берется, подивился я.

– Если будете выбираться из города, – кричал сержант, свесившись с борта, – идите на север, там самый ближайший блокпост. Постарайтесь добыть машину, так безопаснее, но по центральным улицам не двигайтесь, лучше дворами, там хоть проехать можно.

– Спасибо, – кричал я в ответ, маша рукой удаляющейся вертушке.

Наконец, сделав небольшую петлю, вертолет, чуть уйдя в крен, понесся к горизонту, а я обернулся к своим товарищам по несчастью.

– Господа, – улыбнулся я, – все не так плохо, как кажется на первый взгляд. Теперь у нас есть оружие.

Перетаскивая полученные от сержанта подарки в офис, мы снова заперли дверь и придвинули к ней уже ставшую привычной баррикаду.

– Марк, – кивнул я охраннику, указывая на лежащие на полу автоматы, – нормально?

– Более чем, – выщелкнув пустой магазин, охранник принялся набивать его патронами из вскрытого цинка.

– Собрался куда-то? – любопытствовал я.

– Собрался, – кивнул он, – не прямо сейчас и не сегодня, но собрался.

Посмотрев, как Марк ловко заталкивает продолговатые цилиндрики патронов в пластиковый кожаный кобура, мы, рассевшись кругом на полу, принялись наполнять оставшиеся.

– Что делать будем? – поинтересовался Леха. – Дернем отсюда поскорей?

Взяв патрон из зеленой коробки, я поставил его горизонтально и надавил большим пальцем, тот легко вошел в полупустую обойму.

– Нет, только не сейчас.

– Почему?

– Леха, дружище, – я улыбнулся и наигранно весело помахал ему свободной рукой. – Ты серьезно предполагаешь, что мы сможем прорваться? Даже с автоматами?

– Ну, не знаю, – смутился юрист.

– Прорываться будем, – кивнул я, – но лучше подождать, пока все уляжется и бешеные разбегутся по городу. Станет потише, поспокойнее, вот и займемся всем этим. У нас тут других вопросов валом, а ты предлагаешь добровольно да в петлю.

– Каких же, Константин? – поинтересовался уже несколько отошедший от шока логист. Сейчас, так же как и все, он сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, и тщательно копировал все действия охранника. Получалось у него это значительно хуже, но старик старался.

– В первую голову – еда, – пояснил я, откладывая полную обойму в сторону. – С едой у нас скоро начнется напряженка. Хоть и придется ее теперь делить не на пятерых, но хватит ее максимум до завтрашнего вечера.

– На третий этаж нам надо, – не поднимая головы, произнес Марк, машинально отправляя патроны в пластиковый кожух. – Ресторан там.

– Точно, – подтвердил Алексей, – «Три толстяка» как раз на третьем этаже. У них там вроде и холодильники с полуфабрикатами, и много чего. Сам видел, как дня четыре назад у них завоз был, мужики в грузовой лифт коробки таскали.

– Идея интересная, – кивнул я, – но затруднительная.

– Не беда, – отложив готовую обойму, охранник покопался у себя в карманах и, выудив оттуда моток изоленты, принялся скреплять две обоймы, развернув их в разные стороны. – Так удобнее, – пояснил он. – Отстреляешь одну, отщелкнул, перевернул, защелкнул и готово. Все равно ни разгрузок, ни подсумков у нас нет и не предвидится.

– Ты никак воевать вздумал? – улыбнулся я.

– Надо будет, так повоюем, – без тени иронии заявил Марк и по-молодому, легко поднялся с пола, отряхивая форменные брюки. – В помещении, по моим прикидкам, с полсотни инфицированных. Большинство из них нам не грозит, они могут быть попросту заперты в помещениях, откуда не могут самостоятельно выбраться. Я по телику смотрел про такое, обычная дверь, крепкая только, оттуда бешеный ломится. Представляешь, вместо того чтобы просто ручку повернуть да выйти, кидается на дверь.

– Хорошо, – согласился я. – Как спускаться-то будем? Лифт не работает.

– Лифт запустим, – отмахнулся Марк. – С этим, думаю, проблем не будет. Перезагрузим управляющую систему или что там у нас есть, и все будет пучком, ну а если не получится, потопаем по пожарке. Ну так что, кто со мной?

– Как думаешь, Марк, – мечтательно произнес Леха, – а в ресторане кофе есть?

– Или мясо, хороший большой жареный сочный кусок, – поддержал его Петр Семенович.

– Вижу, все за, – улыбнулся я. – Тогда так поступим,ждемся вечера, там похолоднее будет и, судя по виду из окна, активность зараженных несколько уменьшается. Может, утомились, бедолаги, за день, а может, действительно температура влияет.ждемся и пойдем, втроем. Один обязательно должен остаться здесь на всякий пожарный случай. Уважаемый Марк пойдет по-любому, ибо он единственный из нас с серьезным армейским прошлым, и его навыки владения оружием, скорее всего, пригодятся. Вы ведь не возражаете?

Охранник утвердительно кивнул.

– Теперь, что касается нашей тройцы, лучше бы нам с Алексеем двинуться. Вы, Петр Семенович, как ни крути, человек пожилой и насквозь цивильный, так что простите, толку от вас ноль.

– Не соглашусь, – взвился логист. – Я каждый год езжу на военные сборы, в тире люблю пострелять и вообще холодное оружие коллекционирую. Вы бы, Константин, видели мою коллекцию клинков, вот тогда бы точно не сказали, что я ни на что не способен.

Вот те раз, промелькнуло у меня в голове. Кто бы мог подумать, что наш Петр Семенович, мирно сидящий у себя в кабинете и попивающий в обед кефир из пластиковой бутылки, может быть таким ярым приверженцем милитаризма.

– Я вроде тоже в армии неплохо стрелял, – поделился юрист, вставая с пола. – Снайпера из меня, конечно, не вышло, но в молоко редко уходил.

– Хорошо, господа вояки, – отмахнулся я, – будем тянуть спички. Кто вытащит короткую, тому оставаться на базе и ждать трофеев, потом поменяемся. Спички у кого есть?

Куриль-то я курил, но вот пользовался зажигалкой, считая ее удобнее и практичнее, чем старомодный картонный коробок, набитый деревянными палочками. Все принялись охлопывать себя по карманам, в поисках спичек.

– Нашел, – логист радостно потряс коробком, извлеченным из внутреннего кармана пиджака. – Это же надо?! Купил когда-то, чтобы плитку поджигать, у меня тогда газовая плита была, один достал и вот в карман засунул. Хорошо, что я пиджак не стираю, а то бы пропали спички.

– Спички – вещь полезная, – похвалил я Петра Семеновича, забирая из его рук коробок. – Спички, как соль. Вроде мелочь, а коснись что, без них как без рук. Зажигалка баловство, газ улетучиться может или кремль вылететь, а спичкам только влага и страшна.

Вытянув из коробка три палочки, я на глазах у всех отломал кончик одной и, перемешав за спиной, выставил руку вперед.

– Тянем, по одной, не жадничаем, – хохотнул я. – Начнем по старшинству, с вас, Петр Семенович.

– Да что ты все по отчеству, – удивился логист. – Прямо как не родной. Все мы вроде в одной лодке или в калоше, кому как удобней. В общем, называйте меня Петром, так удобнее. Договорились?

– Договорились, – кивнул я, протягивая Петру кулак со спичками. – Тяните, не задерживайте.

– Вот ты черт, – короткая спичка в сердцах полетела на пол. – Единственная короткая и, естественно, моя.

– Не огорчайтесь, Петр, – подмигнул я логисту. – Судя по количеству зараженных на улице, выбираться из здания нам придется в лучшем случае через неделю, так что шанс показать ваше мастерство еще представится.

– Как скажете, – меланхолично пожал плечами Петр Семенович, – если надо пострелять, вы теперь знаете к кому обратиться.

– Решено, – кивнул я. – Сегодня вечером идем мы с Алексеем и Марк, а вы на связи. Кстати, о ней, грешной. Марк, у вас же рации имеются?

– Куда без них, – кивнул охранник. – Одна станция на посту, стационарный блок, да переносной «кенвуд».

– Отлично, – потер я руками. – Вы, Петр, будете находиться около станции, поставим ее в коридоре около двери на лестницу, пост там своеобразный организуем.

Все загомонили, воодушевленные предстоящим действием. В конце концов, хоть какое-то разнообразие, и даже предполагаемые проблемы при спуске никого не смутили. Вот ведь человек какой объект интересный. Вроде бы и живет спокойно, никому не мешает и не отвесивает, а закрой его в четырех стенах и нате вам, подавайте ему активное действие. Взглянув на свою маленькую команду, я улыбнулся. «Не пропадем, – промелькнуло у меня в мозгу. – Если настрой на позитив в окружающей мерзости не растеряем по дороге, но, судя по моральному духу людей, случится это весьма не скоро».

Как же я ошибался в тот момент. Если бы я мог заглянуть в голову всех своих товарищей, понять, о чем они думают, чем живут и о чем мечтают, но, к сожалению, это физически невозможно, так что и винить себя впоследствии я не стал.

Первый сюрприз преподнес логист, когда я вечером постучал в закрытую дверь его кабинета. Дверь была заперта на засов с той стороны, что по нашим меркам, меркам людей, остававшихся в закрытом пространстве уже больше половины недели, было по меньшей мере странно. В последнее время все старались как-то мелькать друг у друга на глазах, избегая мертвых зон и засовов. Большинство дверей в офисе были распахнуты настежь, некоторые окна намеренно открыли, чтобы впустить в раскалившееся от солнца за день здание хоть немного свежего воздуха, так что из стандартного офиса-помещения получалась свое-образная студия, где каждый

мог увидеть каждого. Единственным исключением, пожалуй, был туалет, ибо свои нужды мы по-прежнему предпочитали справлять в одиночестве, особо не афишируя своих действий.

– Петр Семенович, – я дернул ручку, но дверь не поддавалась. – Петр, откройте, – я несколько раз ударил рукой по закрытой двери, но ответа не добился. – Мужики! – крикнул я остальным. – Логист закрылся.

– Нафига? – из одной из комнат появился взъерошенный после сна Марк. Глаза охранника были красными, а на щеке остался отпечаток шва от диванной подушки. Спать-то Марк спал, но, как оказалось, весьма чутко.

– Мне бы знать! – Развел я руками и снова забарабанил в запертую дверь. – Петр Семенович! Просыпайтесь! Вы ведь не забыли, что дежурным остаетесь?

Подойдя ко мне, Марк поднял вверх палец, призывая к тишине, и прислонил ухо к двери.

– Ничего, – поделился он после нескольких секунд. – Ни шороха, не храпа. Тишина такая, будто нет никого. Может, он вышел куда?

– Куда? – удивился я. – Дверь заперта, лифт до сих пор не работает. Куда он денется с подводной лодки?

– Чертовщина, – согласился охранник. – Что будем делать?

– Может, дверь ломаем? – предложил подоспевший юрист.

– Зачем ломать? – удивился Марк. – У меня на посту дубликаты ключей от всех дверей имеются. Сейчас возьму нужный и отопрем.

Быстро сходяв до поста, Марк принес ключ с нужной биркой и, вставив его в замочную скважину, попытался повернуть, сначала по часовой стрелке, потом против. Замок не поддавался.

– Может, он ключ из замочной скважины не вынул, – предположил я, видя тщетные попытки товарища отомкнуть непослушный запор.

– Подожди, – отмахнулся Марк, – сейчас еще попробую. – Достав ключ, он вновь вставил его в замок и, прижав дверь плечом, поднажал. Вторая попытка увенчалась успехом, и дверь, закрипев на петлях, медленно отворилась.

– Вот те на, – ахнул я. – Чего это он?

На крюке от люстры посреди кабинета висел Петр Семенович. Лицо покойного посинело, язык вывалился изо рта, да и мокрые брюки ни о чем хорошем не говорили.

– Дьявол, – первым от оцепенения очнулся охранник и, рванув к свисающему с потолка телу, подхватил его за ноги. – Да снимайте вы, чего встали.

– Ага, – растерянно кивнул я и, подбежав к письменному столу, схватил с него нож для бумаг и принялся перепиливать им брючный ремень, на котором болтался покойник. – Готово, держите. – Леха и Марк подхватили логиста на руки и аккуратно опустили его на пол.

– Мертв, – охранник на всякий случай пощупал пульс и приложил голову к груди Петра Семеновича. – Не дышит, сердце не бьется.

– Здорово, – я в сердцах ударил кулаком по столу. – Ну как так? Как, я вас спрашиваю? Он же буквально пару часов назад был преисполнен желания лезть с оружием наперевес вниз и очень хотел жареного мяса?! Ну как?

– Сейчас узнаем. – Подойдя к столу, Леха поднял сложенный вдвое листок бумаги. – Это нам, похоже, – пояснил он и, развернув послание, принялся читать вслух.

«Извините, коллеги, что в эту трудную минуту я вот так просто оставляю ваш коллектив, но в своем существовании смысла более не вижу. Десять минут назад я разговаривал со своей женой и дочкой по телефону. Они сейчас закрыты в квартире и не способны выбраться наружу. Когда они предприняли попытку выбраться из ловушки, были атакованы бешеными и серьезно ранены. Как их не убили сразу, я лично не понимаю, но ясно одно, мои близкие и родные

женщины, все, кого я так любил и ради кого я жил, скоро исчезнут с этого света. Жить без них я не хочу, так что другого выхода кроме самоубийства я не вижу.

От того, чтобы застрелиться, я сразу отказался. Нечего тратить на такого, как я, патроны. Они, скорее всего, будут полезней живым, чем мертвым. Сброситься вниз мне не хватило бы духу, так же как и вскрыть вены, так что я остановился на единственном и, как вы теперь видите, наименее эстетичном способе перехода в лучший мир.

Не осуждайте и не поминайте лихом. *Петр*».

– Мда, – я в растерянности уселся на стул и, уставившись в потолок, закурил. – Вот она, смерть, костлявая старуха. Взяла да подкралась с самой неожиданной стороны, оттуда, откуда ее и не ждали.

– Зря это он, – покачал головой Марк, – ой как зря. Выпил бы лучше, с нами поделился, может быть, и полегчало бы.

– Вряд ли, – пожал я плечами. – Я бы вот не знаю, как поступил, если бы родители умерли. Может, и так, а может, иначе. Я Петру не судья.

– И я, – согласился Алексей, печально уставившись в одну точку. – Он сам себе судьбу выбрал, так что уж теперь рядить-судить.

– Надо бы тело убрать куда, – предложил охранник. – Негоже мертвеца вот так просто оставлять.

Подойдя к окну, я сорвал с него занавеску и, разложив ее на полу, мы общими усилиями переместили тело покойного.

– Куда его? – тихо спросил Леха.

– На крышу, – я внимательно посмотрел на товарищей, стараясь определить по лицам, что они сейчас думают.

Юрист находился в растерянности. Взгляд бегал, губы слегка подрагивали, казалось, вот-вот, и он сейчас расплчется. У Марка же лицо было непроницаемым, и только лишь в глазах читалась тоска и сожаление по бессмысленно потраченной жизни.

– Зря это он, – вновь повторил охранник.

Поход за провиантом, не сговариваясь, отложили на следующий день, а пока, чтобы скоротать время, я изъясил из командирских запасов непечатую бутылку виски и, прихватив с собой остатки печенья, мы расселись в переговорной, которая почему-то стала нашим координационным центром.

Разлив алкоголь по пластиковым стаканчикам, мы выпили по первой, молча, не чокаясь, помянув усопших, и, уже налив вторую, я решил подвести итоги всего произошедшего с нами за последнее время.

– Господа, – начал я, обращаясь к своим товарищам. – Надеюсь, больше никто в ближайшее время не предполагает попыток суицида? Если таковые в этой комнате имеются, поспешу вас отговорить. Время, мягко говоря, не очень подходящее, да и боевой дух оставшихся в живых товарищей ваш поступок способен подорвать.

– Не планирую, – подтвердил Марк.

– Дожидайтесь, – сморщился Леха и одним духом опрокинул в рот содержимое стаканчика.

– Отлично, – поставив бутылку посередине стола, чтобы каждый мог без посторонней помощи плеснуть себе огненной воды, я потер руки. – Давайте вкратце, так сказать на сон грядущий, подытожим все, что произошло. Ситуация непростая, но не безвыходная. У нас есть оружие, план здания и ключи от помещений. В этом же здании имеется запас пищи, как-то: полуфабрикаты, крупы и прочее, так что с голоду точно не умрем. Единственный скользкий момент, это спуск вниз, но тут, думаю, подойдем здраво. Сначала разведаем, насколько хватит

запасов и стоит ли вообще заморачиваться, и если овчинка стоит выделки, то аккуратно прочешем несколько этажей. Вот посмотрите, я тут кое-что набросал.

Достав из кармана листок бумаги, на котором был набросан план действий, я начал пояснять свою идею.

– Перед тем как предложить вам это, я еще раз сверился с планом здания, благо в нашем архиве нашелся таковой, и вот что я решил. Лифт сам по себе отменяется, так как является энергозависимым механизмом, для пусконаладочных работ которого требуется навык специалиста, а такого, как мы знаем, увы, в нашей компании нет. Вижу, что с этим вы согласны. – Дождавшись молчаливого подтверждения, я принялся водить по плану карандашом. – Единственный шанс для нас спуститься вниз без потерь – это именно эта лестница. В прошлый раз, когда бешеный толстяк попытался нами пообедать, я заметил интересную особенность. Для того чтобы заметить нас, ему нужно нас увидеть. Не услышать, не почуять, а только увидеть. Даже когда мы с Алексеем попали в поле его зрения, ему все равно потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить происходящее и ринуться в атаку. Как вы думаете, что из этого следует?

– Что бешеные сохранили остатки разума? – тут же предположил Марк.

– Возможно, – кивнул я. – Мы до сих пор обладаем крайне скудными сведениями о физиологических особенностях человека, подверженного заражению. Достоверно знаем только то, что при попадании в кровь несчастного вируса, или чего-то другого, он через некоторое время становится асоциален, а впоследствии не способен членораздельно общаться, а агрессия, которую он проявляет ко всем здоровым, так вообще не входит ни в какие рамки. Единственное, что мы знаем почти наверняка, так это то, что для нападения на жертву бешеным нужна визуализация.

– Ты предлагаешь выколоть им всем глаза? – удивился Леха.

– Нет, конечно, – отмахнулся я. – Я же не живодер, а вот дверные стекла на всех этажах можно закрасить краской, а под незапертые двери забить клинья, так, на всякий случай, а то вдруг дверь откроется.

– А что делать с четырнадцатым этажом? Стекла-то там уже нет, – поспешил напомнить юрист.

– Заклеим картоном, – предложил я. – Раздербаним пару коробок и на скотч. Преграда, конечно, не ах какая, но главного добьемся. Сквозь картон не очень-то и посмотришь.

– А что, если дверь третьего этажа будет закрыта? – предположил охранник. – Большинство дверей, ведущих в остальные офисы, перекрыты в целях безопасности, хоть это и грубое нарушение. Пожарные бы за такое по головке не погладили, мигом бы штраф впаили.

– Ну, пожарным теперь не до запертых дверей, – успокоил я Марка, – а если закрыта будет, то бьем стекло. Ломиком или палкой это делать существенно проще, чем собственной головой.

– Договорились, – кивнул охранник. – Завтра так и поступим. Один прикрывает, второй колышки забивает и краской стекла мажет.

– Колышки бы еще откуда достать, – почесал я затылок.

– Фигня, – улыбнулся юрист, – наделаем из ножек стульев.

Мазать, ставить, бить, мазать, ставить, бить.

Марк стоял, прислонившись к стене и настороженно следил за лестничными пролетами внизу, не снимая руку с автомата, в то время как я быстро орудовал кисточкой. Небольшое двухслойное стекло закрасить было немудрено, но я на всякий случай не жалел краски, оставляя на гладкой поверхности толстые белые мазки. Закончив со стеклом, я поставил под дверь вырубленный из ножки стула колышек и загнал одним ударом топора. Получилось очень даже ничего.

– Нормально, – кивнул охранник. – Дальше пошли?

– Сейчас, – поморщившись, я сплюнул на пол тягучую вязкую слюну и присосался к бутылке с водой, поглощая вожаделенную влагу большими глотками. С момента нашего вынужденного затворничества вентиляция проработала ровно три дня, после чего приказала долго жить, так что палящее солнце изрядно нагревало здание из стекла и бетона, делая нахождение в нем настоящей пыткой, больше похожей на пребывание в парнике. – Ничего не слышно?

Марк перевесился через перила и прислушался к происходящему внизу.

– Не, тишина. Может, ушли все, а мы тут крадемся?

– Хорошо бы, – хмыкнул я. – Думаю, бродят там пониже, пожрать что ищут. Интересно кстати, чем бешенные питаются?

– А ты еще не понял? – Перекинув автомат через плечо, Марк начал спускаться вниз по лестнице до следующей площадки. – Нами они питаются. Будто не вместе телевизор смотрели. Догоняют, глотку грызут и жрут свежатину.

– Брррр, – меня аж передернуло после этих слов.

– Каннибалы, выходит?

– Выходит так. – Пожал плечами охранник. – Мне так кажется, что им вообще наплевать что есть. Пусть то хоть человек, хоть собака, хоть корова. Главное, чтобы пища двигалась.

– А если замереть? – предложил я. – Застыть как вкопанный и дожидаться, пока уйдут.

– Хочешь проверить? – поинтересовался мой собеседник.

Я отрицательно замотал головой.

– Увольте, сударь, я пас.

– Вот и я пас. – Достигнув следующей двери, Марк аккуратно взглянул через стекло, а потом подергал ручку и, убедившись, что дверь заперта, махнул мне рукой. – Давай теперь эту, тут чисто.

Спустившись вслед за товарищем, я вновь принялся замалевывать стекло и вбивать колышек. За последние полтора часа мы перекрыли уже семь этажей, аккуратно, ступенька за ступенькой приближаясь к желанному третьему, из-за которого и затеяли всю эту экспедицию.

Вдруг я замер, насторожившись, аккуратно поставил на пол банку с краской и потянул из-за спины автомат.

– Идут, – подтвердил Марк, передергивая затвор. – Двое, одна женщина, средних лет, похоже, из офисных работников, второй – парень, молодой еще, кажется, пищу разносил или еще еду какую. На куртке дурацкий логотип. Накаркали, похоже.

Подойдя на цыпочках к перилам, я осторожно перегнулся и посмотрел вниз. По лестнице, не спеша, раскачиваясь на ходу, будто пьяные, поднимались двое. Впереди действительно женщина в брючном костюме. Белая рубашка под пиджаком побурела от крови, руки и рот были также испачканы, а одна из рук торчала под неестественным углом, так что, похоже, была сломана. Второй, раскачивающейся на ходу фигурой, был молодой человек, но не форма, порванная во многих местах, или отсутствующий взгляд больше всего поразили меня. У парня отсутствовало полчерепа.

– Посмотри, – шепнул я Марку, – посмотри на его башку. Такого не бывает. Даже самая сильная человеческая особь не способна разгуливать по этому миру, имея такие черепно-мозговые травмы.

– Вижу, – шепнул мне охранник. – Что будем делать?

Я пожал плечами.

– Отходить смысла не вижу, все равно нам придется затыкать ту дырку, откуда вылезла эта веселая парочка. Чувствуешь запах.

– Чувствую, – кивнул Марк. – Гнилостные газы это называется. Вот только у таких, как мы, такое не раньше чем через сутки после смерти приключается.

- Ходячие трупы? – Выпучив глаза, я еще раз боязливо глянул вниз. – А эти, как их...
- Трупные пятна.

Парочка уже существенно продвинулась вперед, и до момента прямого визуального контакта оставалось не меньше пяти минут. Вдруг они синхронно остановились и подняли головы, выпучив на нас свои стеклянные, ничего не выражающие глаза.

- Как?! – ахнул я. На этот раз уже в голос. Таиться дальше особого смысла не было.

– Тень, они засекли нас по тени, – рука охранника указала на две темные полосы на площадке перед ходячими мертвецами. – Держись, Константин, сейчас постреляем.

Секунду помедлив, будто собираясь с силами, смердящая парочка внизу еще немного пораскачивалась на месте и вдруг, в одну секунду, они ринулись вверх.

– Вот это скорость, – ахнул я, наблюдая, как мертвецы, перескакивая со ступеньки на ступеньку, стремительно приближаются к нашей лестничной площадке.

– Огонь. – Вскинув к плечу автомат, Марк принялся поливать бегущие фигуры свинцовым дождем, заодно выбивая крошку из стен и ступенек, а я поспешил присоединиться к товарищу и, отойдя на пару шагов, выбрав более удобную позицию, нажал на спусковой крючок. Мой АКА гавкнул, врезавшись деревянным прикладом в плечо, и задергался в руках, посылая в несущихся на нас одну пулю за другой.

Мы попадали, по крайней мере я выпустил в надвигающуюся на нас угрозу не меньше двадцати патронов. Я даже видел, как они, врезаясь в плоть, рвали оставшуюся на нападавших одежду, откидывая их в сторону и заставляя замедляться, но, сколько мы ни стреляли, а парочка продолжала упорно карабкаться вверх. Наконец тот, что с разможенной головой, получив в нее еще три шальных попадания, остановился и принялся медленно заваливаться на бок.

– В голову стреляй, – взвизгнул я, но Марк и так все понял и, перебросив предохранитель на одиночные, начал тщательно выцеливать скачущую по ступенькам даму. Раз, два, три, четыре... пятого выстрела не понадобилось. Стрелял охранник отменно, я бы так точно не смог. Все четыре пули легли ровно в лоб, расколов черепную коробку и вынося оставшийся там мозг.

В образовавшейся от выстрелов и рыка нападавших тишине вдруг голосом юриста заголосила болтавшаяся на ремне рация.

- Марк, Костя, что у вас творится, черт возьми? Почему стрельба?

Сняв с пояса рацию, я поднес ее ко рту и нажал кнопку передачи.

- Леха, они мертвые.

– Ясно дело, – хмыкнул динамик, – коли так палить, так и слон мертвый будет.

– Ты не понял, – я откашлялся, – они и раньше были мертвые. Парень, что поднимался, имел дырку в черепе. Я сам лично попал в него несколько раз, но он остановился только после того, как без башки почти остался.

- То есть как мертвые? – ахнул юрист. – Мертвые не ходят и уж тем более не бегают.

– Они воняют, Леха, как трупы воняют, – продолжил я. – Марк говорит, что так только трупы могут, и пятна, пятна на них трупные.

– Надо отходить, – кивнул Марк на лежащих. – Ситуация изменилась, и еще черт знает, как они нас засекли. Может, они не только видеть могут, но и биополе чувствовать или еще хрень какую, так что предлагаю временно сделать ноги в укрытие и пошерстить Интернет. Сеть еще работает?

– Как ни удивительно, но да, – подтвердил я. – Почти все телеканалы отсохли, кроме центральных, нет большинства радиостанций, но мобильная связь и глобальная сеть пока в порядке.

– Валим, – решил охранник. – Краску и колышки оставь здесь, никто их не возьмет. В любом случае с мертвяками да ночью я дела иметь не намерен.

– Вот уж не мог подумать, что ты их боишься, – улыбнулся я.

– Не боюсь, но днем и с автоматом в руке. – Марк покачал головой и брезгливо потыкал ногу женщины. – Видел я такое и не раз, но оно не бегало, а тихонечко лежало в уголке. В любом случае нужен новый план. Сам же видел, как их валить приходится. Не меньше четырех пуль в голову и только тогда труп становится окончательным. Сколько у нас времени ушло на то, чтобы двоих завалить? Секунд двадцать?

– Не считал как-то, – признался я. – Я больше боялся, стрелял, да старался в портки не наделать.

– Поверь мне, времени потрачено много, – пояснил охранник, – особенно для двух автоматчиков против пары безоружных людей. Это мы на двоих столько сил и патронов потратили, а что будет, если их, скажем, с десятка нарисует, а то и с полсотни? Ты видел улицы? Там их толпы. Зарегистрированное население нашего мегаполиса до катастрофы составляло семь миллионов, это исключая различных залетных, туристов и гастарбайтеров. С ними так больше десяти. Вдумайся в цифру! Миллионов!

Все внутри меня похолодело, как только я нарисовал у себя в голове истинную картину происходящего. Не знаю уж как, почему и зачем, но миллионы обычных людей вдруг превратились в злобных мертвяков, стремящихся разорвать, разрушить, умертвить всех тех, кто не стал подобен им. Миллионы, миллионы ходячих трупов, смердящих, с развороченными головами и поломанными конечностями, но от этого не менее смертельно опасных. Это был конец.

– Джип бы нам большой, – наконец смог выдать я, – а лучше танк. Без танка я на улицу не ногой.

– Экий сообразительный, – расплылся в улыбке охранник. – Вот и я про то же. Нет у нас средства против них, либо обойма в голову, либо бежать.

– Обсудим, – кивнул я. – Доберемся до своего офиса и обсудим. В любом случае город покидать надо, и покидать срочно, без промедлений.

Сгрудившись около монитора, мы втроем, уже несколько часов копали информацию в Интернете на предмет вдруг оживших трупов, а ее, как оказалось, там было предостаточно.

– Вот смотри, – Леха ткнул в одну из ссылок в поисковике, – это отчет пожарной команды в Ставропольском крае. Они первые столкнулись с данным явлением и еле унесли ноги. Если бы не пожарные робы и шлемы, то этого отчета и не было бы. Советуют рубить голову, а еще лучше стрелять, там у них помощь подоспела в виде ближайшего полицейского патруля, так что опытным методом доказано. Человек не курица, без головы не фурычит.

– Что там дальше? – отмахнулся я. – Про головы нам и так понятно.

– Вот, – в ход пошла вторая ссылка. – Расчлененка. Если, допустим, отрубить бешеному руку или ногу, то сам он функционирует все так же нормально, а отрубленная конечность, не связанная больше с мозговым центром, остается лежать на земле. То есть, располовинив инфицированного, мы получим одну абсолютно мертвую половину, скажем нижнюю, и вторую, потерявшую скорость и возможность маневра.

– Не подходит, – поморщился Марк. – У нас ни сил, ни средств нет, чтобы мертвяков чикать. Читай, что дальше.

– Инфицированные реагируют на свет, в темноте либо ночью останавливаются и стоят стоймя, не реагируя на внешние раздражители. Только это в условиях полной темноты. Скажем, запрем ходячего в кладовке и лампочку выкрутим, он себе там и останется. Передвигаться рекомендуют в темноте и с приборами ночного видения, исключая фонари, зажигалки, спички и любой другой источник света. Он для них что красная тряпка для быка. Стоит включить в темном помещении фонарик и на тебя накинутся со всех сторон.

– Незадача, – я выпрямил спину и болезненно поморщился. После недавних физических упражнений с кисточкой и беготней что-то защемило в мышцах, и спина отчаянно ныла, постоянно давая о себе знать вспышками боли.

– Леха, посмотри, – скинув пиджак, я задрал рубаху на спине, – нет ничего? Болит зараза, мочи больше нет.

– Болит, слопай таблетку, – посоветовал юрист и, оторвавшись от монитора, присвистнул: – Ничего себе!

– Что там? – тут же забеспокоился я.

– Синяк, – Леха начал делать пассы руками, изображая масштабы ушиба. – С ладонь такой, здоровенный. Когда ты такой посадить успел?

– Не помню, – заправив рубашку в брюки, я снова накинул на плечи пиджак, – вроде и не ударялся нигде, а тут такое.

– Хорошо, травмированные, – осадил мои жалобы Марк, – вот тут интересная вещь, смотрите.

Еще один клик по ссылке выбросил нас на немецкий форум любителей местных марок машин. Ранее тут живо обсуждались новинки модельного ряда, планировались встречи, переправляли запчасти и занимались еще чертовой уймой различных мелочей, но за последние дни страницы автоклуба превратились в хронику боевых действий.

– Ну и что, – пожал я плечами, быстро пробежавшись по строчкам, – все то же. Башку с плеч и готово. Тут правда их огнеметами пытались жечь и колесами давить, но эффект не особо впечатлил. Один мужик советует разрывные, или аналог нашего СВД и семь шестьдесят два. Только где их взять-то, да и нет среди нас снайпера.

– Не то смотришь, – хмыкнул охранник, – вот ниже читай, пишет наш с тобой соотечественник, как я погляжу, Денис.

– Эмигрант? – предположил я.

– Не суть, – человек обслуживает датацентр в Берлине и сейчас пишет оттуда. Живых живехоньки компьютерные гении из Москвы, Питера, Новгорода, это только наши. У них там, смотрю, серьезная система защиты.

– Более того, – вспомнил я. – Обслуживающий персонал находится в отдельном боксе, который разделен перегородкой с влаго- и воздухонепроницаемым залом, в котором стоят стойки с оборудованием. Для того чтобы войти в их комнату, надо иметь определенный допуск, несколько электронных ключей и быть сотрудником корпорации. У них даже система противопожарной безопасности вакуумная. При возникновении пожара из помещения попросту откачивается воздух, не давая пищу огню, и пожар сам по себе помирает. Ни хлопот, ни забот.

– Ага, до первого обрыва на линии электропередач, – отмахнулся Марк, – дальше читай.

– Так, – начал я пролистывать сообщение, – с Китаем все понятно, как, впрочем, с Индией, Вьетнамом и вообще всеми густонаселенными районами земного шара. Опа, Канада почти не пострадала. То есть инфицированные есть и у них, но прохладно и активность у них снижена по самое не балуйся. Местные стражи правопорядка быстро зачищают районы, выбивая мертвечину из городов, впрочем, Ванкувер пришлось оставить. Густонаселен, мало возможности для маневра.

– Эпоха больших городов прошла, – подал голос Леха, – все стремятся, если не на открытое пространство, то дальше от мегаполисов. Сибирь, кстати, не пострадала, Камчатка, за Уральским хребтом все более или менее, но я так и предполагал. Там по оленеводу на десять квадратных километров, какое заражение?

– Они боятся холода, – заключил я. – С понижением температуры погружаются в транс, также останавливаются в темноте и полностью умирают, когда разрушается мозг.

– До зимы, что ли, сидеть? – удивился Марк. – Нет, не подходит. Мы тут все с голоду загнемся.

– Есть же еда в ресторане, – напомнил Алексей.

– А хранить, а готовить? – начал перечислять все возможные недостатки трофейных продуктов охранник. – Ну, допустим, там консервы есть, но что-то мне подсказывает, что их там не особо и много. Не нужны в подобном заведении консервы, а вот охлажденка, свинина там или говядина, в большом изобилии. Сейчас она, наверное, лежит себе в холодильнике, но это пока есть электричество. Думаешь, подача электроэнергии сохранится до зимы?

– Почему нет? – пожал плечами юрист.

– Да потому. – Марк посмотрел на Алексея осуждающим взглядом. – Город это опасность, чума, смерть, из города бегут во все стороны. Еще неделя, может две, и тут останутся только бешеные. Как думаешь, много людей озаботится о поставке электроэнергии в город мертвецов?

– Тухлое дело, – отойдя от монитора, я подошел к окну и, распахнув створки, выглянул наружу. Ночь в это время года наступала стремительно, но если раньше мегаполис был расцвечен яркими красками рекламных огней, фарами машин и светом в окнах офисов и жилых строений, то сейчас он медленно, но уверенно погружался во мрак. На улице одна за другой включались лампы городского освещения, выхватывая из сумрака остовы сгоревших машин и мусорные кучи, а также мерно бредущие по своим мертвецким делам раскачивающиеся фигуры.

Картина в окне могла заставить впасть в депрессию кого угодно, да и на меня начала навеивать печаль и чувство безысходности.

– Опа, – я подскочил на месте и ринулся на пост охраны, где сам вчера ставил на зарядку большой диодный фонарь.

– Ты куда? – удивился Марк, но я уже выбежал в коридор и, схватив фонарь со стола, поспешил к распахнутому настежь окну.

– Свет, свет горит, – указал я на небольшое приземистое строение полицейского отделения. Само отделение находилось в трехэтажном здании серого кирпича, первый этаж которого был старательно зарешечен, не давая ни вой-ти, ни выйти, а также прорваться какому-либо мерзавцу, решившему пообедать обитателями.

– Может, там просто свет забыли выключить? – предположил Марк. – Мало ли где окна горят.

– Марк, – я обернулся и посмотрел на охранника. – Когда лифт сломался, ты куда принялся названивать?

– Сначала на пост охраны, – припомнил Марк, – потом в полицию.

– Именно, – кивнул я. – Они же, как и ты, посуточно должны работать, следовательно, когда вся петрушка завертелась, парни были на дежурстве, а у них там и бронежилеты, и автоматы, и другое интересное оружие, да до кучи, какая-никакая, а физическая подготовка.

– Ты предполагаешь, что они живы? – оживился Леха. Выхватив у меня фонарик, он принялся то включать, то выключать его на манер сигнала SOS. Три длинных, три коротких, три длинных, комбинация, известная еще с детства любому подростку, хоть единожды игравшему в военные игры. – Сейчас помигаем, – радовался как ребенок юрист, – сейчас узнаем, вы только подождите немного.

Мы втроем припали к окну, стараясь уловить хоть малейший намек на движение в зарешеченных окнах. Перед зданием отделения стояло три служебных УАЗа и «Жигули», без видимых серьезных повреждений, да и мертвяков на парковке было меньше, чем обычно.

Жах... гавкнул резкий, режущий слух выстрел, и один из бешеных, фривольно шлявшихся около здания, начал заваливаться на бок.

– Крыша, – завопил Леха и принялся еще интенсивнее мигать фонарем. – Стрелок на крыше.

С высоты нашего пятнадцатого этажа мы отлично видели крышу здания, а теперь и стрелка, сидевшего на табурете. Всех подробностей с такого расстояния рассмотреть было практически невозможно, но меткость выстрелов говорила о том, что в руках у человека снайперская винтовка.

Жах... снова грянуло оружие, и звук выстрела эхом прокатился по пустынной улице.

– Не видит, – вздохнул Марк. – Темноты надо ждать.

– И что нам даст темнота? – пожал я плечами. Энтузиазм от внезапно обнаруженного живого и боеспособного товарища по несчастью быстро прошел, а взамен пришло осознание бесполезности попытки связаться. Стрелявший почти наверняка имел хорошую физическую и военную подготовку, раз с такой легкостью, не тратя патронов и лишних усилий, валил одного бешеного за другим, но то, что он до сих пор не покинул город, говорило лишь о том, что и наши шансы на это стремятся к нулю.

– Связаться все равно надо, – решил Марк. – Фонарика он, конечно, не увидит, да и до темноты на крыше не досидит, уйдет внутрь, а вот позвонить стоит.

– Точно, позвонить, – схватив трубку, я поднес ее к уху и с облегчением выдохнул, – длинный монотонный сигнал, все в порядке.

Взяв лежащий на столе справочник, Марк принялся листать его и, наконец, отобрав у меня трубку, начал набирать указанный телефон.

– В дежурку позвоним, – пояснил он. – Если там еще кто-то есть, то ждать долго не придется, ну а если он там один, то будем звонить, пока не поднимет трубку.

– Или пока не вырубится сама связь, – закончил я мысль за охранника.

– Верно, – нажав на отбой, Марк вновь застучал по клавишам аппарата. – Мы все равно рано или поздно будем выходить из здания, а поддержка снайпера будет очень кстати. Выберемся, заодно и его прихватим. Думаю, товарищ особо противиться не будет.

– Я бы точно не возражал, – улыбнулся я, – особенно если бы один остался. В компании и веселей, и безопасней.

Прозвонкой занимались последующие три часа, периодически подменяя друг друга у аппарата. Сначала упорный Марк раз за разом набирал нужный семизнак, пока я наконец не показал ему, что такое функция «редиа» на телефоне. С тех пор дела пошли веселее, но длинные гудки в трубке раздавались снова и снова, а сидящий на крыше будто ради развлечения периодически валил одного из бешеных, чему свидетельствовали редкие хлопки выстрелов.

– Похоже, он там один, – заключил Лека, – кладя трубку. – Сидит себе наверху и в ус не дует. Звонка через стену почти наверняка не слышно, так что зря стараемся, господа. Пальцы только сотрем.

– Позвоним позже, – предложил я. – Сейчас, видимо, действительно без толку, но попыток связаться со снайпером прекращать не будем ни в коем случае. Его поддержка на выходе из здания нам жизненно необходима, а если мы сможем скоординировать действия заранее, то, считай, половина успеха у нас в кармане. Сейчас лучше подумать об утренней операции. Именно утренней. С утра не так жарко, как днем, уже светло и не требуется лишняя иллюминация, так что в нашей ситуации лучше времени не найти.

– Соглашусь, – кивнул Марк. – За провиантом пойдем часов в шесть. Действовать будем по старой схеме, но вдвойне осторожней. На автоматический огонь я бы предложил переходить только в крайнем случае, патронов негусто.

– Ну и ладушки, – кивнул я. – Тогда пробуем прозвониться до стреляющего, и ложимся спать.

Открыв глаза, я еще какое-то время лежал, пялясь в потолок и силясь определить, где я нахожусь. Не привык я спать где-то еще, кроме собственной спальни, и даже последние три ночевки на диване в приемной, который я узурпировал как главное координирующее лицо, не смогли заставить мой мозг привыкнуть к сложившейся ситуации. Человеческий мозг вообще штука странная, по сути, являясь сложнейшим биологическим устройством, способным координировать массу действий живого существа: процесс жизнедеятельности, память, поступки, по сути, используется самим человеком на мизерный процент. Большая его часть почему-то не задействована, и что тому виной, сказать сложно. Быть может, используя свое серое вещество на все сто процентов, хомосапиенс мог бы воспламенять взглядом, левитировать, читать мысли или предсказывать будущее, но нам достались скромные способности, которыми предстояло воспользоваться. Тот же мозг бешеного, или мертвяка, как лучше, для себя я пока не решил, но именовать бродящих внизу «зомби» язык не поворачивался. Нет, не то чтобы я отрицал сам факт появления мертвого человека, безумно желающего пообедать моим бранным телом, скорее наоборот. Недавно я своими руками убил одного такого живчика, молодого парня, разносчика пищи. Претило само слово, определение. Неестественно все это было до безобразия, да и в голове не укладывалось. Ну как, как, спрашиваю вас, человек может ходить, рычать, поглощать пищу и при том иметь все признаки трупa. Признаки имелись, и неслабые, запах, трупные пятна и еще с десятков остальных, что не известны нам и не видны простому глазу, но присутствуют постфактум. Если мертвяки едят, то, следовательно, должны опорожнять кишечник. Это естественная потребность любого организма, так ради всего святого, какие еще естественные потребности могут быть у мертвеца?

Особым ритуалом для меня стал утренний моцион. Каждый раз, вставая в шесть утра, я шел в туалетную комнату, где чистил зубы и брился, пользуясь «банно-прачечными» принадлежностями, которые когда-то с оказией получил от дам фирмы на двадцать третье февраля, да и забросил в дальний ящик стола. Теперь они оказались весьма кстати и олицетворяли для меня ту прошлую мирную жизнь, которой я так внезапно лишился. Каждый раз, проводя станком по щекам, я вглядывался в зеркало, пытаюсь усмотреть во взгляде хоть какие-то изменения, но ничего не находил и продолжал скрести щеки, доводя себя до того состояния, когда и на люди не стыдно показаться. Марк брился собственной бритвой, так как заступил с ней на пост и планировал провести в офисе минимум сутки, а Алексей не брезговал только щеткой, которую он соорудил из подручных приспособлений, а именно куска мочала, проволоки и двух карандашей. Бороду юрист решил не брить.

День в офисе начинался для всех одинаково. Кто-то из нас наливал в электрический чайник воду и доставал из бездонных запасов секретаря пакет с растворимым кофе. Мы наливали себе по кружке отвратительного, на мой взгляд, кислотовато-горьковатого напитка черного цвета и вновь шли в переговорную, посмотреть утренние новости. Картинка, впрочем, как всегда транслировалась одна и та же – разруха, остовы обгоревших машин, бешеные, скачущие внизу, на удивление ловко для мертвецов, да осиротевшие без жильцов дома с пустыми глазами-окнами. Впрочем, вру, с каждым днем новости становились все более скудными, а масштабы катастрофы, возникновение которой еще никто не потрудился объяснить, говорили о том, что этому миру, в привычном для нас смысле, приходит конец.

– Достоверно известно, – вещала одна из ведущих прямо с борта вертолета, – что помимо прямого контакта, инфекция передается и воздушно-капельным путем. – Я поперхнулся кофе, и Леха поспешил постучать меня по спине. – Все граждане, ранее стремившиеся в пункты, организованные карантинными войсками, попали в своего рода ловушки. Очаги инфекции продолжают вспыхивать по всей территории России, быстрее всего в местах крупных скопления людей, таких как закрытые города, воинские формирования, лагеря беженцев. Правительство рекомендует избегать массовых скоплений народа, стараться передвигаться вдали от основных трасс и покидать зараженные мегаполисы. Отмечу также, что по последним све-

дениям, антидот от заразы найден, и он находится в нас самих. Да, вы не ослышались, – ведущая попыталась поправить прическу, которую раз за разом рушил ветер. – Исследование крови зараженных показало, что в ее составе отсутствует такой элемент, как нирофомин, находящийся в небольшом количестве лишь у пятнадцати процентов человечества. В крови с нирофомином вирус хоть и пытается активизироваться, но очень быстро разрушается, а сам элемент выводит уже обезвреженную заразу из организма в течение трех дней. В данный момент все ученые пытаются получить этот элемент искусственно, но, к сожалению, пока все попытки тщетны.

Отхлебнув кофе, я покосился на своих товарищей по несчастью.

– Вот значит как, – хмыкнув, я вытащил из кармана пачку сигарет и, закурив, выпустил в потолок струю дыма. – Опять чудесная неожиданность.

– Странно, – Марк отхлебнул кофе из свой кружки и откинулся в кресле, нервно постукивая пальцами по массивной столешнице. – Если предположения ученых верны, и помимо прямого контакта можно заразиться от простого чиха, то почему мы до сих пор не дали дуба?

– Верно, – кивнул я. – Вентиляция-то до сих пор работает и исправно гонит зачумленный воздух по трубам, щедро наливая наши легкие различными болезнетворными микробами.

– А может, есть у нас этот самый элемент? – предположил Алексей. – Ну, нирофомин в смысле.

– Исключено, – отмахнулся я. – Пропорция, имеющих спасительную бактерию, на которую, к слову, раньше вообще никто внимания не обращал, на душу населения ничтожно мала, а в нашем с вами случае так вообще стремится к нулю. Ты представляешь, какая должна быть редкостная удача, чтобы у нас троих, в одном отдельно взятом офисе, нашлась эта спасительная малютка.

– Тогда почему мы до сих пор живы? – задал резонный вопрос охранник.

– Возможно, такая же удача, – предположил я. – Гадать все равно бессмысленно. Я лучше вот что вам скажу по этому поводу. Когда вниз пойдем, надо бы марлевых повязок или еще чего на лицо приспособить, а то, не ровен час, наткнемся на бешеных, а они на нас чихать начнут.

Последняя фраза породила волну нервного смеха.

– Нет, – закивал я, – я серьезно. Если кто не помнит, как на НВП повязки делали, я напомню. Марли и ваты у нас в изобилии, на один поход хватит.

– А что дальше? – Допив кофе, Марк отставил пустую кружку и взглянул на меня.

– Что дальше? – Я почесал затылок и задумался. – Дальше мы заблокируем все возможные входы и выходы вплоть до нужного нам этажа. Основную работу мы вчера сделали, так что проблем, думаю, не возникнет. Дальше попытаемся спровоцировать бешеных на атаку, выманив их из своих темных углов. Достаточно, думаю, будет сильного фонаря, чтобы эти твари попросypались и ринулись за нами, а потом посмотрим. В идеале бы, конечно, зачистить весь этаж, чтобы спокойно передвигаться между офисом и кухней, а вдвойне хорошо вообще перебраться поближе к провианту.

– Но как же крыша, – напомнил Алексей. – Что если придет вертолет, а мы его и не увидим?

– Мы его и так не увидим, – грустно улыбнулся я. – Ты же со мной новости смотрел. Вертолеты где? У военных, а что собой представляют военные группировки? Правильно, скопления народа. Если предположения верны и зараза переносится по воздуху, то сейчас у них там самое интересное, так что воякам не до нас. Им самим бы ноги унести.

– То есть помощи не будет? – печально вздохнул Леха.

– Не будет, – подтвердил я, – впрочем, почему не будет, вон она твоя помощь, прислоненная к стене, со вчерашнего вечера тут стоит.

Мы все обернулись и посмотрели в угол, где вдоль стенки были заботливо расставлены три автомата, упирившиеся стволами в выкрашенный бежевым гипрок, которым рабочие когда-то зашивали стены приемной.

На этот раз роли почему-то поменялись. Впереди шел я, выставив вперед дуло автомата и дергаясь от каждой тени или звука, а сзади, пытая и шаркая, волочился Марк, неся в руках краску и колышки. Дальнейшие наши малярные работы прошли без сучка и задоринки, не дав повода пострелять или позаниматься бегом, так что, дойдя до третьего этажа, где располагался так нужный нам ресторан, а точнее ресторанная кухня, я больше подустал от мерзкого запаха краски и ожидания, чем от предполагаемых нападений.

– Вот здесь, – вытащив из кармана свернутый вчетверо белый листок бумаги, на котором я несколько раньше набросал план, я развернул его и прижал ладонью к шершавой стене. – Сейчас ломаем первую дверь, кстати, может, открыта?

– Не, – Марк подергал за поручень и скорчил недовольную мину. – Заперли лишены. Был бы какой разгильдяй, тогда существенно бы нам жизнь облегчил, а теперь ломай эту дурынду.

– Не беда, – я спрятал план в карман и, перещелкнув предохранитель, от души приложил прикладом по стеклу. Дзыньк, сказала стекло и побежало трещинами.

Отойдя в сторону, Марк встал напротив двери, силясь увидеть, что происходит в темноте пустого на первый взгляд коридора, не отводя от него дула автомата, а я продолжил наносить удары прикладом, один за одним, пока, наконец, двойное каленое стекло не обрушилось на пол водопадом осколков. На секунду мы замерли, напряженно вслушиваясь в тишину, готовые в любой момент броситься что есть силы вверх по спасительной лестнице. Ничего, впрочем, не произошло, и, помедлив еще несколько секунд, я просунул руку в образовавшийся проем, и, стараясь не порезаться об острые углы торчащего стекла, нащупал ручку. Повернув ее против часовой стрелки, я дождался мягкого щелчка дверного замка и распахнул дверь. Мы на месте. Тихо ступая друг за другом, мы вошли в темный тамбур, разделяющий этаж на две неравные части. В левой его части располагались офисы, ранее снимаемые мелкими арендаторами под свои представительские нужды. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Марк одним ударом загнал под дверь толстый деревянный колышек.

– Нормально, – шепнул я. – Теперь держись. – Деревянный приклад вновь врезался в дверное стекло, и оно, на этот раз на удивление легко, обрушилось внутрь, произведя при этом немало шума. – Есть, – сняв с пояса фонарик, я принялся осматривать открывшуюся нашим взорам площадку, одна часть которой вела к грузовому лифту, который когда-то с успехом использовали местные подсобные рабочие, а вторая выводила к большой пластиковой двери, ведущей на кухню.

– Вот, – крикнул Марк. Автомат в его руках рывкнул, выбросив сноп огня, а я, стараясь помочь, лучом света выхватил из полумрака медленно поднимающуюся с пола фигуру. Опасения по поводу выживших и нашей преждевременной атаки сошли на нет, как только в яркой полосе света из мрака показалась когда-то белая парадная рубашка официанта, порванная во многих местах и заляпанная какой-то бурой мерзостью. Следующая очередь опрокинула бешеного на пол, даже не дав подняться. Пинком ноги распахнув створки двери, мы ворвались внутрь. Подскочив к вновь начавшему было подниматься официанту, Марк практически в упор выдал еще несколько выстрелов, расколов тому черепную коробку и навсегда отправляя в мир иной.

– Быстро, – я оттащил труп в дальний угол и, аккуратно ставя ботинки, начал продвигаться в глубь помещения. Пусто. Пошарив лучом фонаря из угла в угол, я попытался определить, где тут находится основная дверь, предназначенная для выхода в общий зал. Прикинув расстояние, быстро направился по узкому коридору, пробираясь мимо электрических плит

и кухонной утвари, развешенных чьей-то заботливой рукой по стенам, пока наконец не оказался около широких створок, ведущих в банкетный зал.

– Внутрь? – предложил Марк. – Там могут быть живые.

– Могут, – также тихо прошептал я и, нащупав выключатель, потянул рычажок вверх. Лампы дневного света разгорались с жужжанием одна за другой светлой дорожкой по всему периметру обширного помещения, освещая бесчисленные ряды столиков. – Трое, – подмигнул я охраннику. – Я их на себя выведу, а ты снимай по одному, пока вялые.

Посередине зала, в неестественных, застывших позах стояли трое. Один из них, по видимости повар, высокий худой мужчина в сохранившем белоснежность колпаке сжимал в одной руке здоровенный разделочный нож. Двое других, в синих рабочих комбинезонах, наверное, бывшие подсобные рабочие, стояли как будто в полубморочном состоянии, опершись о край барной стойки. Включившийся в помещении свет заставил их зашевелиться, и в мертвой тишине три пары ничего не выражающих глаз уставились в нашу сторону.

– Вот те на, – шепнул Марк, – как они нас срисовали-то так быстро?

– Чего ждать, – рванув в зал, я встал на колени и пустил очередь мертвякам в ноги, с одной лишь надеждой перебить что-то из сухожилий. Двое лишь рыкнули и направились в нашу сторону, а вот третьего очередь достала и, дернувшись было вперед, он с грацией мешка с мукой рухнул на паркет. С каждой секундой движения бешеных становились все стремительнее и четче. В один момент мне даже показалось, будто в глазах зараженных мелькнула искра разума, но в этот момент заработал автомат над головой, отбрасывая наиболее резвого назад. Повар, получив свинцовое отравление, рухнул на землю, в уже запачканном колпаке, а из переставшей слушаться руки выпал на пол нож, воткнувшись в деревянное покрытие. Тем временем мой мертвяк, так лихо подкошенный автоматной очередью в самом начале, и не думал отказываться от своих планов. На своих двоих ему, по-видимому, стоять уже не удавалось, и, решив, что достать меня можно и ползком, он довольно сноровисто ринулся по полу. Бить в раскачивающуюся над полом голову было сложно, даже самому заправскому стрелку, уж куда там такому, как я, и для того чтобы выцелить нападавшего, пришлось рухнуть на пол, больно ударившись локтями. Первые две пули прошли мимо оскаленной морды, а вот третья достигла цели и, раскроив челюсть, шмякнулась в стену. Пока я валялся на полу, Марк принялся обрабатывать последнего оставшегося на ногах мертвяка, стараясь снести ему голову, но вот сделать это было не так просто, как казалось сначала. Наши автоматы синхронно дернулись, и, наконец, все затихло.

– Вот ты ж хрень! – я сел на пол и, оперевшись спиной на стул, вытер холодный пот со лба. Мертвяк, старавшийся так отчаянно добраться до моей глотки, довольно скоро преодолел оставшееся до меня расстояние и сейчас лежал, раскидав мозги по полу буквально в метре от меня. Двое же остальных валялись чуть подальше, метрах в двух, теперь уже абсолютно безвредные, но воздуха абсолютно не озонирующие.

– Вот, что надо учесть, – закинув автомат за плечо, охранник зажал нос рукой, – несет от них. Зашел в помещение, принимайся. Если шмонит, как с помойки, то точно бешеные присутствуют. Если послабже, значит, где-то рядом бродят.

– Ну, каковы? – выдохнул я. – Я думал, не так быстро очухаются. Время-то еще сколько?

– А ты их пойди пойми, – отмахнулся охранник. – Кстати, если и передается зараза, то мы с тобой точно кони должны двинуть, смотри, как повар забавно остатки башки по полу раскидал. Вентиляция-то в помещении до сих пор работает.

– Ага, – кивнул я и, сглотнув, поднялся на ноги. – Чему быть, того не миновать. Давай тогда оттащим их подальше от кухни, сразу после того как парадную дверь проверим и займемся трофеями.

– Резонно, – отсоединив пустой магазин, охранник перевернул его, прищелкивая запасным и передернув затвор, не спеша повел стволом по опустевшему залу. – Помирать, так сытыми.

На наше счастье, парадная дверь, ведущая ранее в банкетный зал, а теперь для порядка приваленная несколькими столиками, была закрыта. Те четверо, что оказались внутри, и остальные, уже черт знает сколько слонявшиеся по этажу мертвяки, очевидно, были при жизни ранними пташками и явились на работу пораньше. Тут-то их и накрыло. Оттащив смердящую добычу в сторону, стараясь не дотрагиваться до мертвых тел, мы закидали их скатертями, чтобы хоть как-то оградить себя от волны тошнотворного запаха начинающих разлагаться тел, потревоженных пулевыми отверстиями, и потопали в столовую. Первый холодильник разочаровал, хоть и был затарен под самый верх запасливыми хозяевами.

– Мяса много, а толку? – Я печально оглядел штабели куриных ножек и стейков, аккуратно завернутых в пленку, сейчас мирно лежащих в морозильной камере. – Готовить-то их все равно негде.

– Так тут же написано – «Мясо» – Марк ткнул пальцем в табличку на двери. – Дальше пошли, к консервам, они-то тут точно быть должны. – Второй холодильник был завален овощами, и вызвал у нас бурю энтузиазма. Сняв с крюка висевшую тут же сумку из разряда «мечта оккупанта», я принялся бросать в ее бездонные недра замороженную фасоль, брокколи и зелень во всех возможных ее проявлениях. – Овощи хорошо для желудка, – бубнил я словно мантру, отправляя в сумку одну упаковку за другой. – Овощи – это жизнь.

– А еще жизнь – это тушенка, – из-за двери третьего холодильника показался охранник, сжимая в руках здоровенную жестяную банку с нарисованной свиной головой. – Брось ты этот козий корм, тут такое, аж слюной захлебнулся, когда увидел.

Оставив холодильник с такими полезными овощами, я потащил по полу свою добычу, ориентируясь только на восклицания охранника.

– Ананасы, – вещал тот тем временем из-за приоткрытых дверей, – гусиный паштет, крабовое мясо, оливки, офигеть! Чего же мы раньше старой гречкой-то травились?

– Теперь не будем. – Высыпав на пол все содержимое сумки, я принялся наполнять ее заново, теперь уже пузатыми банками с мясом и экзотическими морепродуктами, которые мне подавал изнутри охранник.

– Икру брать будем? – поинтересовался Марк, протягивая мне большую стеклянную банку, доверху набитую красными кругляшами.

– Не сомневайся, – закивав, я бережно, будто младенца, подхватил здоровенную банку с красной икрой, а затем отправил ее в недра сумки. – Что там еще из экзоты?

– Крабовые палочки сойдут? – Из недр рефрижератора появился замерзший, но донельзя довольный Марк и кинул мне в руки упаковку. Повертев ее в руках, я не глядя послал ее в открытую сумку.

Через несколько минут судорожного перебазирования деликатесов я попытался поднять потяжелевшую сумку и, наконец, дал команду.

– Хватит, Марк, там веса уже килограммов на тридцать, не меньше, а нам ее не на лифте переть, а на собственном горбу. – Я с воодушевлением легонько постучал по надувшемуся от припасов боку торбы. – Если что, второй раз сходим, тут уже проще будет.

– Твоя правда, – Марк захлопнул створки рефрижератора. – Придумать бы еще, куда мертвяков деть, так можно и переезжать со всем скарбом. Может, в окно их и дело с концом.

– Не по-христиански как-то, – пожал я плечами, – а впрочем, черт с ним, сейчас сумку дотащим, отобедаем, а на сытую голову и думается легче.

– На сытую голову спится легче, – хмыкнул охранник и, схватив сумку за ближнюю ручку, принялся помогать мне выносить экспроприированное. – Я бы сначала придавил бы так часика три.

– Вот Леха обрадуется, – улыбнулся я. – Он-то еще не в курсе, какой будет праздник живота.

Вытащив ценный груз на лестницу, мы, кряхтя и охая, поволокли консервы вверх. Сумка была не столько тяжелой, сколько неудобной, и для подобного вида транспортировки вряд ли была предназначена. Обычно челноки, а именно они подобные вещи и использовали, забивали похожие сумки под завязку, так что молния трещала, обхватывали пузатые бока мотками изо-ленты и грузили ее в любое подвернувшееся транспортное средство, будь то верхняя полка плацкартного вагона или тесный салон «газели». Мы же топали так, используя исключительно собственные силы и ноги, но упорство, а самое главное – жадность, заставляли нас карабкаться все выше и выше, преодолевая один лестничный пролет за другим, пока, наконец, не показалась наша дверь.

– Открывай, – выдал я в рацию, – чисто.

Щелкнул замок, и в образовавшемся проеме показалась вихрастая голова юриста.

– Что приперли? – весело поинтересовался он. – Я тут слышал, палили вроде? Слышимость в здании чудесная, в одном конце пукнут, в другом чуть ли не запах почувствуешь.

– Вентиляция, наверное, – пожал я плечами. – А что приперли, так сам посмотри.

Спустившись по лестничному пролету, Леха расстегнул молнию на сумке и от удивления присвистнул.

– Это просто праздник какой-то, – поделился он. – А вкуче со всем тем, что произошло, так вообще песня.

– Помогай, – кивнул я и, крикнув, закинул сумку за плечо. – Что стряслось-то?

Забежав сзади, Леха подхватил дальний край сумки и принялся мне помогать.

– Дозвонился!

– Кто? – не понял Марк, на всякий случай прикрывая наш отход.

– Да снайпер этот на крыше! – послышалось из-за сумки. – Вы как ушли, ну я и вспомнил про этого, что вчера стрелял так резво. Набрал номер на шару, а он возьми да и ответь.

– Ну и что? – Затащив сумку, мы опустили ее на пол, и Марк, щелкнув дверным замком, повесил ключ на гвоздик в стене.

– Одни эмоции! – Засунув руку в сумку, Леха выудил оттуда банку с крабовым мясом и, лихо свинтив крышку, выудил оттуда двумя пальцами розоватый кусочек и, отправив в рот, продолжил: – Сначала он никак поверить не мог, что с живым человеком говорит. Радовался как ребенок. Я ему тут накидал в двух словах, что у нас тут и как, и общую обстановку обрисовал. У него там телевизора-то нет, в основном радио слушает, но в общем мы с ним пришли к одному и тому же выводу, вокруг творится черт знает что. Единственное, что могу сказать, не жалец он.

– Это ты с чего взял? – подозрительно поинтересовался я.

– А с того, – Леха отправил в рот второй кусок крабового мяса. – Он же не дурак, тоже про инфекцию слышал, которая теперь взяла моду по воздуху передаваться. Ну и признался, что симптомы у него есть. Жар, ломота в суставах, все как при переутомлении или простуде. Полный набор, в общем.

– Дела, – усевшись в первое подвернувшееся кресло, я закинул ногу на ногу, положив сверху автомат. – Ты уверен? Может, он действительно просто заболел?

– Да куда уж там, – утолив первый голод, юрист завинтил крышку и, поставив банку на пол, потянулся за следующим деликатесом. – Зовут его Семен Макаренко, шестьдесят пять лет от роду мужику, все горячие точки прошел и ни царапины. Контузии разной степени считать не будем. Застрял в отделении только из-за того, что взял его патруль за распитие спиртных напитков в общественных местах. А он осерчал и навалил патрульным по шеям, отобрал оружие да связал всех их же брючными ремнями.

– Лихо, – хохотнул Марк.

– Я тоже порадовался, – закивал Леха. – В общем, застрял он в отделении, а когда все это началось, сидел в обезьяннике и не отвечивал, с похмелья только маялся шибко. Это-то его и спасло поначалу.

– Похмелье, что ли? – удивился я.

– Нет, конечно, – достав наконец банку здоровенных зеленых оливок, Леха взвесил ее на ладони. – Обезьянник его спас. Мертвяки сначала поломились об прутья с денек, да бросили эту затею. А он не будь дурак, подобрал ключи, что дежурный обронил, да сидел ни жив ни мертв почти сутки. Потом, правда, выбрался, оружие у одного из бешеных забрал да дырок в башках им понаделал дополнительных. Вот с тех пор и сидит внутри участка, только похмелье-то не прошло, а в какую-то другую форму перетекать начало. Он, как и мы, новости слушает, так что в курсе.

– Значит, не жилец, говоришь, – я почесал уже по-явившуюся на подбородке щетину.

– Однозначно, – вскрыв банку, Леха вытащил первую оливку и отправил ее в рот.

– Канал связи хоть пока установили?

– А то, утром мы ему делаем звонок, вечером он нам. Как звонки перестанут идти, все, приплыли.

– А если телефон вырубится?

– Мобильными обменялся.

– Молодец, – кивнул я. – У него там, небось, оружия под самую макушку да защиты разнообразной. Вот бы до нее добраться.

Подойдя к окну, Марк с минуту обозревал окрестности и под конец заявил:

– Бешеных стало меньше, как ушли куда.

– Знамо дело куда, – хмыкнул я, – к санитарным кордонам они ушли. Там и харч, и зрелище. Тут им уже через неделю делать будет нечего. Если кто и останется, так старые да хворые, типа без рук да ног, а остальные пойдут свою агрессию выливать.

– То есть у нас есть шанс? – Марк захлопнул створки и уселся на подоконник.

– Возможно, и есть, – кивнул я. – Во всяком случае, так думать приятнее. Провиант пока есть, питьевая вода тоже, дергаться ближайшие пару недель вообще смысла не вижу, а потом посмотрим.

Смерть штука странная. Есть она всегда, и преследует тебя по пятам, но ты то ли внимания на нее не обращаешь, то ли намеренно игнорируешь. Продолжаться эта игра может долго, дольше, чем думают одни, меньше, чем думают другие, и не касается это тебя только до того момента, пока лоб в лоб с безносой не столкнешься.

Сеанс связи с запертым в полицейском отделении снайпером прошел по плану. Обменявшись свежими новостями и поделившись планами на безрадостное будущее, мы разошлись по кабинетам, а поутру я обнаружил некрасивую картину. Заболел юрист, крепко заболел и так неинтересно, аж до хруста в зубах. Нездоровый внешний вид, жар, круги под глазами и жалобы на ломоту были тем тревожным сигналом, который означал начало конца.

– Полежи пока, – накрыв забывшегося в тревожном сне Леху своим пиджаком, я вышел в коридор и, привалившись к стене, прикрыл глаза.

«Вот оно, – роились у меня в голове мысли, – и к нам пришло. Как ни таились, как на рожон ни старались не соваться, а и до нас костлявая добралась. Что же теперь?»

– Теперь только ждать.

Открыв глаза, я с недоумением уставился на подошедшего тем временем Марка. Должно быть, последние слова я произнес вслух.

– Ждать, – повторил он. – Бежать куда-то, суетиться, смысла не вижу. Если мы с тобой болезни подвержены, значит, скоро сляжем. Раньше, позже, не важно. Конец один.

– Что же это получается? – тяжело вздохнул я. – Мы с тобой как мамонты? Вымрем.

– Хуже, – улыбнулся Марк. – Мамонтов хоть нашли потом, а от нас с тобой и костей потом не сыщут. Наша цивилизация вообще штука хрупкая. Малейшее дуновение ветра, шаг в сторону, и опыт и знания, накопленные в течение сотен лет, рушатся в пыль, а мощная военная машина не способна справиться с самым крохотным и ничтожным на первый взгляд врагом, микроскопическим вирусом, который, небось, и под микроскопом-то не сразу разглядишь.

– Как думаешь, Марк, откуда все это? – Присев на стоящий рядом стул, я вытащил последнюю сигарету и, повертев ее в пальцах, отправил назад.

– Моя теория проста как два пальца, – улыбнулся охранник, устраиваясь рядом. – Считаю я ее единственно верной и на все остальные плюю с высокой колокольни.

– А именно?

– Вояки, зуб даю. – Марк в сердцах ударил ладонью по колену. – Только у них хватило бы и сил и возможности изобрести что-то настолько смертоносное, чтобы весь мир накрыло, и только у них хватило бы разгильдяйства, чтобы в один прекрасный момент выпустить джинна из бутылки.

– А сторонний вариант развития событий ты, как понимаю, в расчет не берешь? – вяло поинтересовался я.

Вся наша беседа шла в виде апатичной пикировки смертельно уставших людей. Людей, которым настолько все надоело, что даже говорили они с какой-то отрешенностью, ленцой, равнодушием в потухших глазах.

– Метеорит, что ли, твой? – хмыкнул Марк. – Эка невидаль. Посмотри на небо, там этих метеоритов падает каждый день вагон и маленькая тележка. Не верю я в эту заразу со звезд. Подумай сам, каменюке надо пройти сквозь плотные слои атмосферы, а это равносильно обжиганию в доменной печи. Высокие температуры выжгут любую бактерию, любой вирус, затесавшийся на метеорит, не оставляя ему ни малейшего шанса.

– Значит военные?

– Почти наверняка.

– Что будем делать с Лехой? – наконец задал я волнующий меня вопрос.

– Не жилец, – Марк сморщился как от зубной боли. – Болезнь протекает быстро. Еще вчера скакал как козел, а сейчас головы от дивана поднять не может. Я бы на твоём месте поосторожнее был ближайшие пару суток.

– Перекинется и бросится?

– Сначала умрет, думаю. Видел, что в новостях показывали?

Почесав затылок, я попытался восстановить в голове картинку прошлого репортажа с борта журналистского вертолета, который, расходуя драгоценные запасы топлива, барражировал над погибающим в агонии городом. Стремительно менявшаяся картинка на экране то уносилась вверх, почти в облака, то спускалась на землю и, наконец, выхватила из общей разрухи здание морга, из открытых ворот которого шли усопшие. До последнего момента их сдерживала тяжелая железная цепь, сброшенная на ручки двери кем-то из служителей. Видимо, под общим напором хлипкие двери, не рассчитанные на столь активные усилия, попросту были выломаны из петель, и теперь покойники, нестройными, раскачивающимися из стороны в сторону рядами, медленно выбирались из старого двух-этажного строения с грязными окнами.

– Мертвецы идут, – сказал тогда Леха.

– Мертвецы давно уже ходят, – напомнил я.

– Нет, – отмахнулся он, – ты не понимаешь. Это действительно самые заправдашние мертвецы. Привезли-то их уже мертвыми. Многие пролежали не один день в холодильных камерах, и все равно они идут.

Действо действительно было потрясающее. Завораживающее, чарующее и в то же время тошнотворное и отталкивающее. Мертвецкий марш, неспешный и неотвратимый. Некоторые мертвяки, еще не отошедшие от низких температур, и потому не такие прыткие, как их соро-

дичи, падали под пулями пятящихся военных, но армия покойников продолжала наступать, протягивая к живым свои синие негнущиеся руки.

– Видел, – кивнул я. – Даже больше, чем следовало бы. Ты, кстати, нашему снайперу отзвонился?

– Нет, – Марк закинул ногу на ногу. – Пытался минут двадцать с утра, все без толку.

– Выстрелов тоже с крыши не слышно, – поделился я.

– Думаешь – все?

– Уверен. – Достав из кармана последнюю сигарету, я закурил, бросив скомканную пачку в угол и отлепившись от кресла, толкнул дверь кабинета, где в горячечном бреде метался по дивану Леха.

Осторожно притворив за собой дверь, я уселся напротив, положив на колени автомат, с которым не расставался уже вторые сутки. Подперев одной рукой голову и стряхнув на пол пепел, я посмотрел на часы. Было десять минут третьего.

Леха зашевелился, застонал и вдруг открыл покрасневшие глаза, уставившись в меня цепким, колким взглядом.

– Похоже, все я, Костик, – произнес он еле слышно растрескавшимися губами.

Плеснув в кружку немного холодной воды, я поднес ее к губам больного и, дождавшись, пока он утолит жажду, произнес:

– Бред, Леха. У тебя просто жар. Налопался вчера просроченных устриц, вот и скрутило. Завтра еще потравишь и проснешься как новенький.

– Нет, – юрист попытался привстать, но силы окончательно оставили его, и он тяжело рухнул на диван. – Нет, это конец. Слабенький я оказался. Вон как скрутило.

– Да не сгущай ты краски, – начал было я, но был остановлен слабым кивком.

– Костик, – Леха раскашлялся и потянулся за кружкой. Отхлебнув немного, он посмотрел на меня помутневшими глазами. – Костик, обещай мне.

– Что угодно, Леха, – я жизнерадостно кивнул.

– Обещай, что не позволишь мне топтать землю, после того, как я перерожусь. Не хочу я этого. Неправильно это и мерзко. Я бы из окна сиганул или, как логист, повесился, если бы сил хватило. Обещай мне, как только подниматься начну, сразу пулю в голову.

Я внимательно посмотрел на умирающего товарища, того, кто совсем недавно смеялся, шутил, делился планами на будущее и вообще был неплохим человеком, и теперь так стремительно угасал, на моих глазах превращаясь из крепкого, пышущего жизнью и здоровьем молодого мужчины в бледную его копию.

– Обещаю, Леха, не сомневайся. – Ладонь моя уверенно легла на цевье автомата. Знал бы ты, Леха, какими усилиями мне далась эта самая уверенность. Когда юрист попросил застрелить его после смерти, во мне будто все оборвалось. В один момент я будто осознал все то, что случилось, как будто до сих пор я отрешенно смотрел на мир сквозь призрачную пелену, и чья-то жестокая рука вдруг сорвала ее с моих глаз, выставив напоказ всю мерзость происходящего. Но не мерзость была тому виной, не мертвяки, тянущиеся к тебе скрюченными смердящими лапами, а осознание конца. Кончилось всё. Закончились пикники на природе, пьянки в барах, походы в кинотеатры на выходных. Закончился вечерний бильярд и футбол по телевизору. Закончился Новый год, шопинг, летний отдых на пляже. Закончились автомобильные пробки, новые компьютерные игры. Подошли к концу бесконечные мыльные оперы, как, впрочем, и телевидение в целом. Не будет ни олимпийских игр, ни гонок первой «Формулы», ни зимнего биатлона. Будет только смерть, смрад и нечистоты, да автомат в руках, пока есть патроны.

– Обещаю, – улыбнулся я, затушив об подошву ботинка последнюю сигарету, понял, что снова отчаянно хочу курить.

Дождавшись от меня таким образом согласия на первое сознательное убийство, Леха перевернулся на другой бок и отключился, провалившись в беспокойное забытие. Марк, как будто чувствуя мое состояние, не уходил от двери, очевидно держа наготове автомат, но так и не сделал попытку войти в кабинет, а я все сидел и ждал, машинально глядя пальцами отполированное цевье своего смертоносного приятеля. Секунды складывались в минуты, минуты в часы, а солнце за окном медленно заваливалось на запад, отсчитывая последние мгновения светового дня, как вдруг что-то произошло. Воздух вдруг стал пронзительно звенящим, почти осязаемым. Складывалось впечатление, что ты протянешь руку и схватишь за невидимые воздушные потоки, рванешь, намотаешь их на кулак.

Тело на диване вздрогнуло и медленно начало садиться.

– Легче стало, – улыбнулся я и тут же осекся, встретившись глазами с пустым, голодным взглядом бывшего товарища, а теперь неестественной мерзости, жаждущей только моей плоти.

Чертыхнувшись, я вскинул к плечу приклад и плавно надавил на спусковой крючок. Все правильно сделал, как в армии учили.

На следующий день мы не нашли ни одного живого канала. Белесая рябь, шорох и треск в динамиках, как я ни старался, не давала никакой вразумительной картинки.

– Передатчик на телебашне накрылся, – кивнул Марк, разливая кофе по кружкам. – Бывает же у них такое, только раньше было кому чинить, а сейчас все на самотек.

– Что там у нас осталось? – поинтересовался я.

– Сотовая связь да Интернет, – поколебавшись, поделился охранник. – Стационарные телефоны вечером вырубались. В трубке не то что гудков, тишины и то нет, как ни парадоксально это звучит. Прислоняешь ее к уху, как пластмассовую лопатку.

– А что в Интернете пишут?

– Ирландии, говорят, больше нет.

– Жалко, – я отхлебнул кофе и поморщился. – Знатное у них пиво было. Скучно теперь будет без «гиннеса». Что с Англией?

– Та же ситуация. Чудеса, впрочем, начались и в северных районах. Активность перенеслась на Канаду, а та думала, что легко отделалась. Фьорды зачумлены, как, впрочем, и большая часть Скандинавии, из Сибири тоже вестей с гулькин нос. Пала цивилизация, со всеми своими внутренними войсками, вооруженными силами, минометами и ракетноносцами.

Одним глотком допив обжигающий напиток, я накинул на плечи пиджак и вышел из комнаты, обронив:

– Я на крышу. Постояю, подумаю. Может, вертолет увижу.

– Оружие возьми, – донеслось до меня в тот момент, когда я открывал лестницу на черный ход, но я лишь отмахнулся.

Преодолев единственный лестничный пролет, отделяющий жилые помещения от чердака, я взобрался наверх и отпер обветшалую деревянную дверцу. Ворвавшийся в помещение пронзительный холодный ветер заставил по-ежиться и еще плотнее запахнуться в пиджак, но желания выйти не отбил, и я с готовностью шагнул под серое, затянутое грозowymi тучами небо. Ветер безумствовал, дико завывая в ушах и стараясь подтащить меня к краю жестяного ската, за которым, только шагни, начинался бесконечный и в то же время скоротечный полет, но ничего кроме усмешки он у меня не вызвал. Широко расставив ноги и подняв воротник, я обхватил себя руками и, силясь различить хоть малейшие признаки спасательной вертушки, стоял, подставив лицо свирепствующей стихии. Подойдя к краю крыши, я ухватился обеими руками за перила и, перегнувшись, посмотрел вниз. С высоты пятнадцатого этажа происходящее внизу казалось еще менее реальным и вычурным, чем было на самом деле. Внезапно то, что я усмотрел внизу, как молния пронзило мое сознание, и, расхохотавшись, я понесся вниз, перепрыгивая через три ступеньки.

На шум из приемной появился Марк, держащий в руках початую бутылку виски.

– Что стряслось-то?! – недоуменно пялясь на счастливого меня, выплясывающего по коридору причудливый и ломаный танец, поинтересовался охранник.

– Ай да молодец, Константин, – выкрикивал я, выделявая коленца, – ай да молодец.

– Успокойся, – опершись о стену, Марк терпеливо дождался окончания моего танцевального припадка и вновь поинтересовался причинами моего бурного веселья.

– Придумал, – я рухнул на пол и попытался отдышаться.

– Что придумал?

– Как выбраться придумал. Придется постараться, но шанс самый настоящий. Ты в автомобилях разбираешься?

– Смотря в каких, – осторожно поделился охранник. – Если там немец или швед какой, так там сам черт ногу сломит, а ежели наш, то и разбираться нечего.

– Завести без ключа сможешь?

– Наверное, смогу, там два провода закоротить, только ты эту затею брось. В подземный гараж соваться – проще в петлю, а на улицу нам выбраться не дадут.

– К черту гараж, к черту улицу. – Я вновь принялся отплясывать свой чудной танец, а затем схватил ничего не понимающего охранника и поволок его за собой на крышу.

– С ума что ли сбрендил, Костик? – ворчал тот, но я все тянул и тянул, пока наконец наши ботинки не застучали о жестяную поверхность.

Подбежав к краю крыши, я крайне опасно перегнулся через перила и ткнул пальцем вниз.

– Смотри.

– Что я там не видел, – Марк боязливо поежился и мелкими шажками приблизился к перилам, осторожно заглянув за край.

– Что видишь?

– Улицу вижу, – пожал плечами охранник. – Бешеных опять же вижу. Меньше их стало, но от этого не легче.

– Внимательней смотри, – закивал я головой.

– Ну ГАЗ вижу, под окнами...

– Под чьими?

– Ясно дело, бизнес-центра.

– Дурья твоя голова, – я хохотнул и, оттолкнувшись от перил, снова начал выбивать чечетку.

– Да ты объясни толком, чего воду мутить, – обиделся Марк.

– Легко. – Сделав завершающее па, я встал, гордо подбоченясь. – Под окнами стоит ГАЗ, кузов затянут брезентом. Отсюда до него, естественно, не достать, но вот из окон ресторана сигануть вниз легче легкого. Можно даже не прыгать, а связать веревку из портьер. Опустим на крышу тук с харчем, автоматы, потом быстро переберемся в кабину, заведем движок и только нас тут и видели. Прости, прощай, родимый город.

Закусив губу, Марк с минуту пристально смотрел на меня, пытаясь определить, не повредился ли я умом.

– В твоём плане есть несколько существенных недостатков.

– Каких?

– Кабина может быть заперта.

– Чушь, скорее всего машина брошена, и даже если ты прав, то высадить стекло в двери секундное дело.

– Скорее всего, нет ключа зажигания.

– Ты говорил, что можешь завести машину без ключа.

– Ну говорил, – в голосе Марка впервые появилось сомнение. – Но если в баке нет бензина?

– Если бы да кабы, – зло отмахнулся я. – По-другому нам все равно не выбраться. В подземном гараже нас ждет смерть, как бы быстро и метко мы ни стреляли. Чтобы пробиться на улицу через оставшиеся два этажа, требуется устроить небольшую войну, на которую у нас точно не хватит патронов, а тут шанс. Судьба, так старательно отворачивающаяся от нас все последнее время, наконец, повернулась лицом. Продукты заканчиваются, электричество готово отключиться в любой момент, у нас с тобой скоро поедет крыша, а ты стоишь тут и сомневаешься.

Воцарилось минутное молчание.

– Ладно, – наконец выдал Марк и улыбнулся. – В чем-то, Константин, ты действительно прав. План настолько безумен, что, возможно, и получится воплотить его в жизнь.

Следующие несколько дней проходили в чемоданном настроении. Первым делом мы обошли офис и помещение ресторана, в поисках хоть какой-нибудь веревки, и кроме той, что нашлась в свое время в закромах у завхоза компании, естественно, ничего не нашли. Прикинув ее длину и решив, что сама веревка коротковата, было принято решение нарастить ее занавесками, что я тут же и принялся воплощать в жизнь, почерпнув из еще чудом живого Интернета один особенно хитрый узел. Марк тем временем в очередной раз обшарил рефрижераторы и, вытащив на божий свет те продукты, которые ему показались наиболее свежими, исключительно крупы и консервы, паковал две большие спортивные сумки, которые мы разыскали в недрах одного из кабинетов. Зачем они были принесены туда бывшим хозяином и почему там были оставлены, осталось для нас тайной, но забывчивость и разгильдяйство их бывшего хозяина пошло нам на пользу. Со всем этим мы справились в первый же день и, ставив достаточно внушительную кучу барахла в одну гору, уселись в кресла.

– Не потянем, – наконец выдал я, прикинув вес всего, что мы собрали.

– Не беда, – Марк отмахнулся и, прищурившись, оглядел наши пожитки. – Нести будем вниз и до третьего этажа. После можно аккуратно спустить на веревке одну за другой, а потом и самим. Один спускается, другой прикрывает.

– Отлично, – улыбнулся я. – Тогда завтра и в путь.

Нашу эвакуацию из погибающего города, впрочем, пришлось отложить, и вот почему. Вопреки всем разумным доводам, большинство коммуникаций, точнее персонал, который их обслуживал, сгинул в неизвестном направлении. Часть переродилась в бешеных и сейчас с успехом носилась по грязным улочкам в поисках очередной жертвы. Часть, получив пулю в голову, стала прибежищем для мух и паразитов, а часть сделала ноги, наплевав на свои обязанности. Понять-то их можно, своя рубашка к телу поближе будет, и именно в том порядке, в котором технари эвакуировались из мегаполиса, начало отказывать ранее непоколебимое оборудование. Часть из него, конечно, функционировала и исправно вещала, но некоторые особо хитрые блоки вдруг решили выйти из строя. Так, один за другим мы сначала лишились телевидения, точнее основных федеральных каналов, потом смотрели только местные, а потом телевизор на стене стал простой пластиковой коробкой, не пригодной ни для чего, кроме того, чтобы прикрыть им дыру в стене. Существенно медленнее, но от этого не менее верно, начали отмирать и эфирные радиостанции, фактически в том же порядке, что и их телевизионные собратья, а вот Интернет устоял. Самый новый, самый вроде бы шаткий сегмент вещания стоял непоколебимо в море хаоса и смерти, горделиво вздымаясь, как утес среди морских волн, продолжая соединять континенты, города, поселки, дома и квартиры. Именно тех, кто остался жив и отчаянно искал пути к спасению. Самого спасения со стороны ждать уже не приходилось, потому что сами карантинные войска, а также спасательные бригады МЧС и другие схожие формирования, как ни бряцали оружием и ни тратили патроны, но несли сокрушительные потери. Вирусу было плевать, офисный ты работник или ветеран всех возможных компаний,

виртуозно ли ты владеешь ножом или ничего тяжелее ручки в руках не держал. Сначала все думали, что беда локальная, потом уповали на то, что зараза не способна распространяться каким-то иным путем, кроме как в прямом контакте с мертвяком, а когда выяснили всю глубину проблемы, и большинство умных голов схватилось за эти самые головы, то было уже поздно. Бешенные заволокли лагерь беженцев, появлялись в самых защищенных и укрепленных районах, закрытых со всех сторон кордонами спецвойск, и им так же было плевать на твой статус. Перерождались все. Нищие и богачи, премьеры и кассиры, бандиты и священники. Крохотному смертоносному мерзавцу было абсолютно все равно.

Сев за компьютер, я плеснул себе в кружку командирского коньяка и привычно вбил свой пароль.

– Желаете войти в чат? – поинтересовалась система.

– Да.

– КостикБух, в чате.

– Всем привет:)

– Маразм: привет, коль не шутишь:)

– Коля12: и вам здрасте ☺

– КостикБух: что-то народа мало, всего трое.

– Маразм: спят еще, вчера Гаргулья35 отписал, что у них вроде как электричество начало вырубаться, так что его может и не быть. (

– КостикБух: жалко, почему он, интересно, не покинул город вместе со всеми?

– Маразм: да кто его знает.

– Коля12: у меня заканчивается чистая вода, всего две бутылки (((

– Маразм: пей из-под крана.

– Коля12: а если вирус, что тогда?

– КостикБух: приятнее думать, что ты неприкасаем.

– Маришка, вошла в чат.

– Маришка: привет, мальчики, как дела?

– Маразм: лучше всех, сидим вот на солнышке греемся, а пишем мало, потому что мелкий гавайский песок попадает под клавиши наших ноутбуков.

– КостикБух: привет, Маришка)))

– Коля12: привет, о прекраснейшая, какой сорт порт-вейна вы предпочитаете в это время суток?

– Маришка: =))))))

– Маришка: хохмачи, все ваши шутки самосмейки, сам придумал – сам посмеялся.

– Маразм: да, мы такие.

– Маришка: что слышно про вирус?

– КостикБух: воздушно капельным передается, так что запрет на чихи в чате =))))

– Коля12: элемент какой-то есть, но не у всех. У кого присутствует, тот молодец, у кого нет, тому хана. У меня коллега так умер, запер его в подсобке, второй день зараза стучится.

– КостикБух: так пусть стучится, чего переживаешь?

– Коля12: витуха-то через него, как бы сволота алкогольная не перегрыз.

– Маразм: им до кабеля как до лампочки, не бойся. Пока запирали его, не поранился?

– Коля12: нет, обошлось.

– Жозефина97: вошла в чат.

– КостикБух: привет Жозефина97.

– Коля12: привет Жо.

– Маришка: О! Пополнение! Заколебалась я среди этих мужиков. Одни сплошные шуточки плоские, да неприкрытые намеки на секс. Сегодня, впрочем, мои бабуины поспокойнее.

– Маразм: привет, Жозефина97, я тут админ. Добро пожаловать в наш кружок приговоренных.

– Жозефина97: всем привет, случайно на вас набрела. Все больше англоязычные чаты работают, да в других городах. Сколько вас?

– КостикБух: сколько видишь. Раньше больше было, но пропадают помаленьку. Мы тут как мамонты.

– Жозефина97: мамонтом еще никогда не была. =)

– Жозефина97: а вы где все?

– Маразм: за компами, гы, а точнее в городе.

– Жозефина97: нет, вы не поняли, я в смысле, где вы, кто по жизни?

– Коля12: я продавец, в магазине сижу, рядом закусочная с вайфаем, так что пока каналчик жив, я с вами. С едой и водой, сами понимаете, проблем нет, а вот выбраться не получается. Шатуны на каждом шагу, и ведь не уходят заразы, так вот и брожу по залу.

– Маразм: я сервак держу в конторе, сейчас в серверной. Из еды уже полупустой офисный холодильник. Отбилась только тем, что задержался допоздна, да потом машина не завелась. Так вот в офисе и заночевал, а наутро никто не пришел. Новости все из инета черпаю. Офис тоже пустой.

– КостикБух: я бухгалтер, застрял в офисе. Раньше нас тут больше было, теперь двое. Я и Марк. С едой и водой пока проблем нет, инет стабильный.

– Маришка: я дома, ногу вывихнула и не пошла на работу. Сестренка вечером забежала, накануне всех этих событий, продуктов нанесла, так что пока в порядке. Работаю менеджером по продажам.

– Жозефина97: я тоже дома, только у меня работа сменная. Когда все началось, носы на улицу решила не показывать, думала, обойдется.

– Горгуля35: Вошел в чат.

– Горгуля35: привет, сброд компьютерный, о чем базарим?

– Коля12: да не про тебя =)

– КостикБух: с новенькой знакомимся.

– Горгуля35: оба-на, разрешите отрекомендоваться. Георгий. Сижу в офисе, гоняю чай. Гонял точнее. Свет отрубили.

– КостикБух: как же ты в инете?

– Горгуля35: так я напрямую, с сервака через ноут. Бесперебойник пока еще пашет, батареи в порядке, только я ненадолго, отметить, что жив-здоров.

– Маразм: молодец, Горгуля35, так держать.

– Коля12: правильно, мы как тараканы, после нас хоть потоп, а нам нифига.

– Маришка: вы тараканы, а я фея;)))

– Жозефина97: тогда и я фея, не хочу быть тараканом.

– Маришка: отлично, подруга, две феи в окружении тараканов.

– КостикБух: а я сейчас кого-то усами!

– Маришка: ой боюсь, аж ноги ватные.

– Маразм: ноги ватные от долгого сидения, а не от страха.

– Ты предлагаешь собрать всех этих людей? – прищурившись, поинтересовался у меня Марк.

– Да, – кивнул я. – Они в такой же ситуации, что и мы, даже хуже, и помощи им ждать неоткуда.

– А мы, значит, с тобой спасатели? – охранник в задумчивости поскреб подбородок. – Рискованно.

– Сам понимаю.

Сам я отлично понимал все возможные последствия всей спасательной операции, да и операцией это было назвать сложно. Бухгалтер и пенсионер, вот и вся спасательная команда. В конце концов, оставался фактор риска, к которому относилось и наше предполагаемое средство передвижения. Передвигаться по городу на чем-то меньше нашего грузовика было верхом безумия. Любая легковушка, будь она хоть трижды прочная и тяжелая, встала бы на любом перекрестке, а с теми габаритами, что мирно стояли у нас под окнами, у нас появлялся неплохой шанс. Правда все еще оставалась возможность, что агрегат попросту не заведется, подведет отсутствие бензина или скупые навыки угона у Марка, но тут уж колебаться не приходилось. Либо пан, либо пропал. По сути, грузовик, был нашим единственным шансом выбраться на волю, с наименьшими потерями, и я, как человек мыслящий, попросту не мог им не воспользоваться.

– Ладно, – Марк крикнул и выпрямил спину, хрустнул позвонками. – Что ты предлагаешь делать?

– Первое и основное, – начал я перечислять все пункты своего «гениального» и абсурдного плана, – я списываюсь со всеми в чате и излагаю нашу позицию. Получив согласие, ну или одобрение, тут уж как попрет, я переписываю все адреса, узнаю, кто и где находится, и на карте разрабатываем план маршрута, со всеми возможными обходными путями. Быстрее всего привычным путем до большинства адресов будет фактически не добраться. На дорогах, даже здесь, у нас под окнами, кучи брошенных машин, часть из которых начисто перекрывает проезд в старый город. Боюсь, такая ситуация практически везде, но этот риск неизбежен и, чтобы его хоть как-то избежать, планов объезда должно быть два, а то и три. Далее по плану, обходим самые труднодоступные участки, а именно те, где скопление бешеных наиболее вероятно.

– Спальные районы?

– Они, родимые. Действуем нонстопом, стараемся выгружать людей через окна, игнорируя лестничные площадки и дворы, где сами можем попасть в ловушку. Все, кто сейчас находится в чате, дееспособны и здоровы, так что с прыжками и кульбитами проблем, думаю, не будет. Остается, впрочем, одна загвоздка.

– Какая? – Заинтригованный Марк поближе подвинул стул.

– Маришка.

– Что с ней?

– То ли нога сломана, то ли вывихнута. Бросать я ее не намерен, но скалолаз из нее аховый. Это, пожалуй, единственный случай, когда нам придется выходить из машины и плотно пострелять, но мы же, как истинные джентльмены, не бросим даму в беде? Ведь так, дружище?

– Так, – улыбнулся Марк. – Все именно так, как ты говоришь. Много в твоём плане узких моментов.

– Например? – насторожился я.

– Да вот хоть пункт окончательной дислокации всей группы. Ну, предположим, что мы скоренько спустим дополнительную провизию, плюс у твоих чатовцев что пожевать на первое время найдется, а вот куда мы со всем этим скарбом и народом денемся? Неужели ты и вправду думаешь, что мы вот так, махом, на стареньком грузовике и всего с тремя автоматами сможем вырваться за городскую черту?

– Черт. – Вот этого-то я и не предусмотрел. В своих смелых мечтаниях я на всех парах, с грузовиком, под завязку набитым спасенными товарищами и различной снедью, несусь по пустому шоссе, километр за километром, стремительно удаляясь от зараженных многоэтажек, навстречу полям и лесам, девственной природе и чистым ручейкам, а тут такой облом. – Выберем по ходу, – наконец предложил я. – Должно же быть какое-то здание, куда достаточно трудно добраться мертвякам, но есть внутренний двор для автомобиля и мало дверей.

– Эх, молодежь, – вздохнул Марк и сокрушенно покачал головой. – Идей-то громадье, а как дойдет до воплощения, мол, на месте разберемся.

– Разберемся, – наивно кивнул я.

Заручившись таким образом поддержкой охранника, я сел за ноутбук и вбил свой пароль.

– КостикБух вошел в чат.

– Маразм: привет, Костян, чего-то рано ты.

– КостикБух: есть идея.

– Маришка: излагай.

– КостикБух: значит, так. Затесался у меня под окном один большой бесхозный грузовик...

– Первым едем к Маразму, – пояснил я, волоча по лестнице здоровенную сумку.

– К кому? – ахнул Марк.

– Да к Марику, админит он у какого-то местечкового провайдера, так что офис у него мало что сразу по пути, так еще и в спальном районе.

– Месторасположение?

– Первый этаж, на Мира семнадцать. Доступ к окнам у парня есть, так что проблема нулевая. Подгоняем транспорт бортом к зданию, он сигает с вещами, и отваливаем.

– Вещей-то много? – Переложив сумку из одной руки в другую, Марк поправил автомат на груди.

– С рюкзак, я думаю. – Пожал я плечами. – Парень, так же как и мы с тобой, во время начала кутерьмы в офисе застрял, так что без гардероба.

– Вещей надо меньше, – назидательно кивнул охранник, топая рядом. – Только еда и медикаменты. У кого оружие есть, пусть тоже берет.

– Отписал, – пожал я плечами. – Оружие у кого вряд ли есть. Марик заикался о двуручном мече, он там вроде как в реконструкторах по лесам и полям бегал в свободное от безделья время, но я его пыл остудил. Так и сказал, бешеные хирдом не ходят, так что твой металлолом нам разве что на якорь.

– А он что?

– Обиделся.

Мы дружно расхохотались и поддали темпа.

– Сигналом к эвакуации служат три длинных сигнала клаксона, – продолжал пояснять я. – Бешеным наша дуделка без надобности, они нас по габаритам засекут, а запертые в квартирах должны услышать. Если, как я просил, сделают, и форточки раскроют. Далее по плану идет Николай, он в магазине на Ленина. Попытаемся подобраться с черного хода, он откроет ворота и начнет выгружать провиант. Круп у него и тушенка на складе одним местом ешь.

– Тушенка и гречка, это я скажу – вещь, – согласился охранник, – самое лучшее блюдо, а то ваше крабье мясо с икрой уже поперек горла стоят. Не русская это еда, не для нас.

– Ну-ну, – хмыкнул я. – Слышали бы тебя остальные.

– А хоть бы и слышали, – пожал плечами Марк. – С мое бы на этих деликатесах посидели, не так бы взвыли, я думаю.

– Ну, тушенка так тушенка, – улыбнулся я. – Там еще консерва разная есть типа кильки в томате или шпрот.

– Во! – Марк с воодушевлением показал мне большой палец.

– Далее по плану у нас Евгения, – продолжил я прокручивать в голове план спасения. – Сидит дома, этаж четвертый, но, на ее счастье, угловая квартира, как раз рядом с пожарной лестницей. Для того чтобы выбраться, ей нужно будет просто выйти на балкон и спуститься по этой конструкции до второго этажа, а после просто прыгнуть в кузов. Брезент по дороге, кстати, придется как-то снять, да и распорки свинтить, а то поубиваем их нафиг.

– Брезент снимем, – кивнул охранник, – через два квартала есть старый пустырь, там еще хотели то ли магазин, то ли парковку ваять. Забором обнесли, да на этом и остановились. Для нашего транспорта ворота там хлипкие, да и внутри вряд ли много мертвяков. Разве что сторожа, но с ними быстро разберемся. Кому пулю в голову, а кто и сам под колеса кинется. Далее ворота прикроем, и демонтируй хоть черта в ступе, никто особо мешать не будет. Что у тебя там дальше?

– Гришка-Горгулья. Для него придется сделать небольшой крюк в объезд Южного виадука. Там почти наверняка затор, так что даже пытаться не стоит. Вертанем по прилегающим улицам, и к офису. Выход у них из здания свой, тут все просто. Последним пунктом Маришка. Вот тут придется попотеть, но никто легкой жизни и не обещал.

– Автомата у нас три, – напомнил Марк, берясь за ручку двери. – Дадим кому-нибудь ствол, не все же они безрукие.

– Надеюсь, – улыбнулся я.

Сто лет уже не был на улице, так что ощущать себя вне крепких и непродуваемых стен было по меньшей мере необычно, а болтаться на веревке между первым и третьим этажом так вообще удовольствие сомнительное. К спуску я готовился как морально, так и физически. Перелопатив множество литературы, хоть каким-то боком касающейся скалолазания, я почерпнул для себя одно – нужны перчатки. Если бы не они, родимые, то с кожей на ладонях я попрощался еще бы на первых двух метрах. Отдельное неудобство представлял болтающийся за спиной и норовящий ударить побольнее автомат, но зафиксировать его, следовательно, подвергнуть себя опасности. Кто знает, в какой момент придется сдергивать автомат с плеча и открывать огонь.

Выбрав момент, когда бешеных на улице было наименьшее количество, мы открыли окно в зале ресторана на третьем этаже и, привязав заранее заготовленную веревку одним концом к батарее парового отопления, я первый вызвался на спуск.

– Я тебя легче, – пояснил я Марку, – так что спущусь гораздо быстрее. Далее скинем вещи, и спустишься сам, а я буду прикрывать, стоя на кабине. На все про все, думаю, надо выделить не более пяти минут. Промедление – и твари могут запеленговать нас, таких вкусных, и решить, что мы собственно только для того пожаловали, что у них время завтрака.

С расчетом времени, которое следовало бы потратить на спуск нашей маленькой команды, я немного поторопился. Одни мои кульбиты на раскачивающейся во все стороны тонкой веревке, заняли порядка пяти минут, за которые не то что жизнь пролетела перед глазами, так еще и большая часть Большой Советской энциклопедии. Наконец, подошвы мои коснулись брезента кузова, и тут я понял, что допустил большую ошибку.

– Что застыл? – донесся из окна взволнованный голос охранника.

– Крыша!

– Что крыша?

– Мягкая. Скольжу я по брезенту.

– Так скользи дальше, до земли метра четыре.

Я слотнул слюну и посмотрел вниз, на раскачивающуюся под ногами землю.

– Тебе легко говорить, ты на ниточке над землей не болтаешься.

– Прыгай, дурак! – начал яриться Марк. – Прыгай и бегом на кабину.

Закрыв глаза, я отпустил руки и заскользил по шершавому материалу крыши, пока вдруг не уцепился пальцами за жесткий деревянный борт грузовика. Открыв глаза, я посмотрел вниз и ухмыльнулся. Между ступнями и асфальтом было не больше десяти сантиметров. Разжимать пальцы снова было существенно проще, а адреналин, бушующий в моей крови, заставил рвануть с места, и через секунду я, оттолкнувшись от земли, оказался около водительской двери.

Дернув ручку и убедившись, что она не заперта, я, не веря в свою удачу, одним прыжком оказался на крыше и, сдернув с плеча автомат, щелкнул затвором.

– Готово!

– Вещи спускаю!

Веревка быстро убежала вверх, и через полминуты Марк принялся стравливать ее назад, предварительно прицепив к концу две объемные сумки с нашим скарбом.

Сонные ленивые мертвяки только сейчас начали отходить от своего ночного оцепенения и двигались медленно, вяло переставляя конечности. Вздернув ствол, я тщательно выцелил первого и плавно потянул за спусковой крючок. Есть. Толстый мужик в рваном сером плаще и черном костюме, когда-то дорогом и брендовом, а ныне измазанном грязью и кровью, завалился на бок, запачкав содержимым черепашки двух остальных, что вяло плелись за ним в нашу сторону. Успех следовало закрепить, но больше подобного гусарствования я себе позволить не мог. Мало-помалу бешеные наращивали темп. Очнулись и те, что изображали мебель в дальнем конце улицы, и как будто в замедленной съемке начали поворачивать головы в сторону мельтешащих теней. Также появилось несколько шатающихся и смердящих фигур, выходящих из-за угла здания. Приняв сумки, я соскочил с крыши и, обежав машину, не глядя, зашвырнул их за борт, а потом, припав на одно колено, вновь нажал на курок. Гаркнув трижды, автомат дернулся, и еще один, самый ближний ко мне мертвяк, молодая женщина с обезображенным лицом, вдруг остановилась и рухнула вперед, показав развороченный затылок.

– Экий я меткий, – подивился я, скосив глаза на автомат.

Тем временем, увидев, что я в принципе контролирую ситуацию, из окна показался мой товарищ и довольно ловко, действуя одними руками, принялся спускаться вниз. Делал он это так быстро и умело, что я невольно засмотрелся, и чуть было не пропустил еще одного живчика, который в отличие от своих товарищей все-таки раскачался и с полусонного состояния разом сорвался в галоп.

– Волчья сыть, – выругался я, и вновь нажал на курок. Три пули со странным хлюпающим звуком вошли в мертвое тело, но особого вреда ему не причинили, а лишь замедлили темп, так что процедуру пришлось повторить еще дважды. Закончилась моя меткость, а скоро закончатся и боеприпасы. Воевать в одиночку очень долго мне, впрочем, не пришлось. Позади меня послышалась легкая возня, сопровождаемая матерком, а потом застучали по асфальту форменные ботинки.

– Дверь открыта, – кивнул я за плечо.

– Отлично, – заскочив в кабину, Марк юркнул под приборную панель и принялся орудовать проводами, помогая себе руганью и перочинным ножом, и в тот момент, когда старенький движок ГАЗа рыкнул, выбросив через выхлопную трубу клуб сине-черного дыма, улица наконец ожила. Мертвяки завозились, забеспокоились и вскоре пять, нет, шесть пар глаз уставились на меня. Не сговариваясь, бешеные синхронно, как по команде, двинулись в мою сторону, а я, не будь дурак, вновь закинул автомат за плечо и, в два прыжка преодолев расстояние от огневой позиции до кабины, захлопнул за собой толстую темно-зеленую дверь.

– Двигаем, – кивнул я в сторону раскачивающейся буквально в десятке метров перед нами потенциальной смерти, но Марк только покачал головой.

– Двигло старое, – пояснил он, – хоть и ухоженное. Постоим еще минут пять, погоняем для порядка, а то вдруг навернется по дороге.

– Так идут же, – кивнул я, ощущая, как в моем голосе появляются истеричные нотки, но охранник только махнул рукой.

– Стекла подняты, на блокиратор нажми. У бешеных ума не хватит в кабину забраться. Полопочут около бампера, пока греемся, а потом мы их перекатим и вперед.

– А если в кузов залезут?

– Зачем? Корм-то в кабине сидит.

– Ну а все-таки?

– До стройплощадки доедем, потом пощелкаем.

Наконец, дождавшись, когда стрелка на приборной панели встанет в нужное положение, Марк с хрустом воткнул первую передачу и осторожно двинул машину с места.

– Поехали.

Вот тут меня ожидал второй сюрприз. Вместо того чтобы тупо стоять на месте или кидаться на автомобиль, чтоб бесславно погибнуть под его колесами, мертвяки вдруг дали задний ход. Нет, действительно, увидев, как «газон» стронулся и не спеша покатил по улице, бешеные на секунду замерли на месте и споро начали убираться с пути следования тяжелого транспорта.

– Бегут, – ахнул я, тыкая пальцем по сторонам, – ты посмотри, бегут! Неужто понимают, что не достать?

– И правда, – охранник недоуменно вертел головой по сторонам, аккуратно ведя грузовик в узком проходе между припаркованными по обочинам автомобилями. – Что же они, твари, действительно понимают что-то?

Тем временем наш грузовик наконец выбрался с узкой, забитой легковушками улицы на большой проспект и плавно покатил по асфальту. Город действительно вымер, и если раньше об этом можно было только догадываться, обозревая крыши домов с четырнадцатого этажа нашего небоскреба, то теперь реальность предстала перед глазами в самом неприглядном и отталкивающем виде. Большинство витрин магазинов, располагающихся, как правило, на первых этажах, были разбиты, а сами магазины, по-видимому, разграблены мародерами. Многие окна обрамлялись черными кольцами сажи, от пожаров, возникших из-за не выключенного утюга или неисправной проводки, стекла в рамах зачастую отсутствовали. С припаркованными по обочинам автомобилями было значительно проще. Большинство из них так и стояли, с заблокированными дверьми, и подмигивали зелеными и синими диодами сигнализаций, тщетно ждущих своих хозяев.

– Бензина мало, – Марк постучал пальцем по приборной панели. – Нам бы семьдесят шестым разжиться, только вот где его взять?

– Девяносто пятый вообще не подойдет? – поинтересовался я, хмуро пялясь в лобовое стекло.

– Нет, – по привычке включив поворотник, охранник принялся выкручивать баранку влево, ведя машину к показавшемуся в конце улицы синему забору, коих по-явилось в последнее время в приличном количестве. – Двигатель угробим, а кто чинить его будет?

– Некому, – согласился я. – Вот бы нам механика в команду.

– Моториста, – поправил Марк. – Люди, занимающиеся починкой двигателей, мотористами называются. Анекдот про них, кстати, есть интересный.

– Это какой? – оживился я.

– А вот слушай. – Плавно обогнув по встречке две столкнувшиеся иномарки, охранник выровнял грузовик и продолжил: – Значит, приезжает в сервисный центр врач, хирург, как раз из тех, что на сердце специализируются, ну и жалуется тамошнему мастеру на шумы в двигателе. Тот, конечно, за работу берется, но тут же замечает:

– Вот, мол, мы с вами, доктор, практически одной работой занимаемся, вы людям сердца чините, а я машинам, так почему зарплаты-то у нас разные?

Выслушал это все хирург, пожал плечами, сел за руль, да и завел двигатель, после чего подошел к мотористу и говорит:

– Хочешь зарплату похожую, ремонтируй.

– Лихо он его уел, – улыбнулся я. – Я бы так в жизни не догадался.

– Да никто бы не догадался, – улыбнулся мой товарищ. – Это даже не анекдот, а притча, из серии «всяк сверчок знай свой шесток».

– Для старого времени притча, – не согласился я. – Сейчас нам скорее моторист пригодился бы, чем хирург. С больным сердцем уехать можно, а вот с неработающим двигателем никак.

Споро проскочив второй квартал, мы выехали к стройке и медленно покатали вдоль длинного синего забора к видневшейся метрах в трехстах по курсу будке охранника. Висящие на петлях ворота были распахнуты настежь, и ветер всю дергал створки, заставляя сами петли натужно скрипеть.

– Как бы не забрел кто, – забеспокоился я, но Марк, не моргнув глазом, направил наш грузовик прямехонько в портал. Стекла будки охранника были заляпаны изнутри чем-то буром-серым и, как оказалось на практике, дурно пахнущем, но самого блюстителя порядка на конкретном участке не оказалось, как, впрочем, и на площадке за КПП. Ровная, подготовленная для строительства площадка не могла не радовать полным отсутствием техники и стройматериалов, и дающая полную уверенность в том, что за штабелями досок или ковшем экскаватора мог притаиться мертвяк. Подготовить-то площадку подготовили, да не успели ничего нагнать, что нам и к лучшему. Выскочив на ходу из кабины, я кинулся запираť ворота, ловя на лету непослушные массивные створки, а Марк заглушил двигатель и принялся осматривать трофей. Подняв капот, он, деловито поцокав языком, подергал провода и удовлетворенно положил крышку назад.

– Отличный агрегат, просто на удивление, – пояснил он. – Ни подтеков, ни окалин. Старый, но надежный. Жрет, правда, как паровоз, но тут уж ничего не поделаешь.

– Сколько кушает? – поинтересовался я, подергав в последний раз запертые на засов ворота.

– Да пес его знает, – обойдя машину по кругу и отметив наличие вполне приличной запаски с инструментом, Марк вновь остановился у кабины. – Не меньше двадцати на сотню, думаю, ест, так что как увидим донора типа пожарной техники или фуры, надо будет остановиться и бензина помародерить. Вон и шланг в инструменте имеется. Запасливый был водила, головастый.

– Замечательно, – кивнул я и, воодушевленный хорошими новостями, изъяв из запасов покойного хозяина грузовика гаечные ключи и молоток, полез в кабину. Демонтаж крыши занял не более получаса. Видно было, что ее периодически снимали и заботливо убирали куда-то в гараж, так что для свинчивания болтов, крепящих распорные дуги, особых усилий не потребовалось. – Выбрасывать все это добро я тоже не стал, а, скрепив валявшейся в кузове проволокой, аккуратно положил на дно. Мало ли потом может пригодиться.

– Что сейчас? – поинтересовался Марк, который все время простоял за бортом, ни на минуту не выпуская автомат из рук.

– С нашими связаться попробую.

– Без Интернета?

– Почему без? – Достав из сумки свой ноутбук, я вскарабкался с ним на крышу и вдавил кнопку пуска. – Вокруг офисные здания, точек вайфаевских наверняка понатыкано вагон, да не факт, что все они запаролены. Пошуршим по округе, вдруг да халява нарисуеться.

– Ну пробуй, – нехотя согласился охранник, – только не долго. Нам бы засветло всех собрать.

– Это не долго, – заверил я товарища. – Минут пять, не больше. Если сразу не получится, то и пытаться не буду. Не до того.

Дождавшись загрузки операционной системы, я щелкнул на сетевые соединения и расплылся в улыбке. Прилежный Виндоус отобразил целых пять активных точек в прямой досягаемости. На руку сыграло открытое пространство стройки, иначе не видать бы мне такого изобилия, как своих ушей.

Щелкнув на первом узле, я попытался сконнектиться, но был грубо послан нерадивой импортной железкой. Тот же нехитрый трюк все с тем же результатом я повторил на следующих двух, а вот с четвертой мне повезло. Дождавшись подтверждения сетевого соединения, я кликнул по браузеру, и тот уже привычно высветил окошко наших робинзонов.

– КостикБух: мы прорвались, транспорт на ходу.

Дождавшись окончания бури восторга людей на том конце, я продолжил печатать.

– КостикБух: действуем по плану, оглашенному вчера. Всем быть в минутной готовности и ждать. Сигнал прежний, три длинных гудка.

Не дождавшись ответа, я выключил ноутбук, решив сэкономить заряд, и, спустившись с крыши, принялся упаковывать дорогую игрушку назад в сумку.

– Все на месте, – пояснил я Марку. – Ждут около окон и по балконам.

– Здоровые хоть все? – вновь забеспокоился охранник. – Спасем такого, а он возьми да обратись.

– Здоровые, – отмахнулся я. – Все кто мог, уже на том свете, а эти сидят в чате и не жужжат, так что, думаю, перекинуться могут только классическим способом, после естественной или насильственной смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.